

Незнакомец

Автор:

Харлан Кобен

Незнакомец

Харлан Кобен

Звезды мирового детектива

Он подойдет к человеку в баре, или в магазине, или на парковке. Не назвав своего имени, сообщит шокирующие сведения. Например, скажет матери, что ее дочь занимается интернет-проституцией. Мужу – что жена имитировала беременность. Отцу – что сын-спортсмен подсел на стероиды.

Иногда незнакомец требует денег, иногда просто терпеливо ждет, когда их предложат. Если заплатят, он не разгласит грязную тайну. Те, кому есть что терять, обычно платят.

У адвоката Адама Прайса красивая жена, замечательные сыновья, хороший дом, высокооплачиваемая работа. Возможно, он бы заплатил шантажисту, чтобы все это сохранить, но такой шанс ему не представился. После встречи с незнакомцем этот идеальный мир обрушился как замок из песка, и вскоре Адам понял: он попал в паутину заговора, и если не будет бороться за свою жизнь, то непременно погибнет.

Харлан Кобен

Незнакомец

С любовью, в память о моем кузене Стивене Рейтере и в честь его детей: Дэвида, Саманты и Джексона

Душа моя, готова будь к приходу Незнакомца.

С ним встречи ожидай, в вопросах знает толк он.

К твоим дверям пути никто не вспомнит:

Ты жизни можешь избежать, но смерти не минуешь.

Т. С. Элиот

Harlan Coben

THE STRANGER

Copyright ©2015 by Harlan Coben

All rights reserved

© Е. Бутенко, перевод, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»,
2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Харлан Кобен – автор двадцати шести романов, в том числе международных бестселлеров «Не говори никому», «Невиновен», «Второго шанса не будет». Лауреат премий «Шэмс», «Энтони» и «Эдгар». Он первый писатель, собравший все эти награды. Занимает высшую позицию в рейтинге лучших американских авторов детективной прозы по версии «Нью-Йорк таймс». Живет в Нью-Джерси.

Мне не стыдно считать себя верным поклонником Харлана Кобена. Я люблю его динамичные и увлекательные книги, обожаю постоянно сгущающуюся атмосферу тайны... Кобен в совершенстве овладел искусством убеждать нас, читателей, в том, что люди, которых мы обожаем, могут хранить секреты, способные полностью разрушить нашу жизнь.

Goodreads

Книги Кобена умны и ироничны... Ему всегда удается показать тончайшую грань между порядком и хаосом в нашей жизни.

Publishers Weekly

Уникальное воображение сделало мистера Кобена выдающимся мастером динамичного и умного диалога, а также творцом запоминающихся характеров.

NY Journal of Books

Автор с острым умом и изощренным чувством сюжета.

San Francisco Chronicle

Глава 1

Незнакомец не разрушил его мир одним махом.

Так говорил себе Адам Прайс позже. Лгал. Почему-то он сразу, с самых первых слов, понял, что привычная жизнь всем довольного, женатого, провинциального отца двоих детей ушла безвозвратно. Фраза была произнесена совсем простая, но тон... В нем звучала какая-то тихая мудрость, даже заботливость, и Адам ни секунды не сомневался: отныне все пойдет по-другому.

– Не надо было вам с ней оставаться, – сказал незнакомец.

Они находились в зале для собраний Американского легиона[1 - Американский легион – организация, созданная конгрессом США в 1919 году для оказания помощи ветеранам войн. (Здесь и далее примеч. перев.)] в Седарфилде, Нью-Джерси. Этот городишко плотно населен финансовыми менеджерами, банкирами и прочими умельцами обдывать денежные дела. Толстосумы любили хлебнуть пивка в холле Американского легиона. Обстановка здесь была простая, но комфортная, располагающая к тому, чтобы поизобразить из себя соль земли, крутых парней, правящих рабочими лошадками вроде «Додж Рам коммершиэл», – какими на самом деле они никогда не были.

Адам сидел у липкой барной стойки. За спиной у него висела доска для игры в дартс. Неоновая вывеска рекламировала пиво «Миллер лайт», но в правой руке у Адама была бутылка «Будвайзера». Он повернулся к мужчине, который только что бочком подобрался к нему.

– Это вы мне?

Парень был моложе многих собравшихся в зале отцов семейств и стройнее – можно сказать, худой, с большими голубыми глазами. Руки у него были белые и тонкие как тростинки, из-под короткого рукава рубашки выглядывал краешек татуировки. На голове – бейсболка. Нет, хипстером этого малого не назовешь, но от него веяло педантизмом трудоголика, который управляет каким-нибудь техническим отделом и никогда не видит солнца.

Голубые глаза вглядывались в Адама с такой серьезностью, что хотелось отвернуться.

– Она сказала вам, что беременна, так?

Рука Адама произвольно сжала бутылку.

– Вот вы и остались. Коринн сообщила вам, что беременна.

Именно в этот момент Адам почувствовал, будто у него в груди щелкнул выключатель, как если бы кто-то поставил таймер на киношной бомбе,

засветились красные цифры и пошел обратный отсчет. Тик-тик-тик-тик.

– Мы с вами знакомы? – спросил Адам.

– Она сказала, что беременна, – продолжал незнакомец. – Я имею в виду Коринн. Она говорила вам, что носила, а потом потеряла ребенка.

Холл Американского легиона до отказа заполнили городские отцы-спортсмены; все они были в белых бейсбольных фуфайках с рукавами длиной в три четверти и либо в мешковатых шортах до колена, либо в дедовских джинсах с отвисшими задницами. Многие надели бейсболки. Сегодня проводилось зачисление детей из четвертых, пятых и шестых классов в секцию лакросса, а также отбирали лучших в команду «А». «Если вы хотите увидеть типичных ослов в привычном местообитании, – думал Адам, – понаблюдайте за родителями, вовлеченными в ход отбора их отпрысков в спортивную команду. Канал „Дискавери“ мог бы снять об этом неплохой фильм».

– Вы почувствовали, что обязаны остаться, я прав? – спросил мужчина.

– Я не знаю, кто, черт возьми...

– Она солгала, Адам. – Молодой человек говорил очень убедительно – так, будто не просто знал все в подробностях, но, помимо этого, целиком и полностью держал сторону Адама. – Коринн все выдумала. Она вообще не была беременна.

Слова продолжали сыпаться на Адама, как удары, оглушая его, лишая способности сопротивляться; он был потрясен и переживал ощущения боксера после нокдауна, когда судья отсчитывает восемь секунд. Хотел ответить, схватить наглеца за грудки и швырнуть на другой конец зала, чтоб не смел оскорблять его жену. Но он этого не сделал по двум причинам.

Во-первых, град словесных ударов лишил его сил сопротивляться.

Во-вторых, уверенный тон и треклятая убедительность, с какой произносил слова непрошенный советчик, внушили мысль: к нему стоит прислушаться.

– Кто вы? – спросил Адам.

- Это имеет значение?

- Еще какое.

- Я незнакомец, - ответил парень, - но весьма осведомленный. Коринн солгала вам, Адам. Она не была беременна. Это всего лишь уловка, чтобы вынудить вас остаться.

Адам покачал головой. Он барахтался в водовороте, стараясь сохранять спокойствие и рассудительность.

- Я видел тест на беременность.

- Фальшивый.

- Я видел сонограмму.

- Тоже фальшивую. - Незнакомец выставил руку, предупреждая дальнейшие возражения Адама. - И живот, да, он тоже был липовый. Или лучше сказать - животы. С того момента, как Коринн начала морочить вам голову, вы не видели ее без одежды, верно? Что она делала? Говорила, ее тошнит по ночам, чтобы не заниматься с вами сексом? Обычно так и бывает. А потом, когда происходит выкидыш, вы оглядываетесь назад и типа понимаете: да-а, беременность-то с первых дней была тяжелой.

Раздался громкий голос с другой стороны зала:

- Ну ладно, ребята, берите еще по пиву и давайте начнем это шоу.

Голос принадлежал Триппу Эвансу, президенту лиги лакросса, бывшему рекламщику с Мэдисон-авеню и просто славному парню. Другие папаши взялись разбирать со стеллажа складные алюминиевые стулья, какие используются на детских концертах в школах, и расставлять их в кружок по комнате. Трипп Эванс взглянул на Адама и озабоченно сдвинул брови, заметив, что тот спал с лица. Адам отмахнулся от него и повернул голову к незнакомцу:

- Кто вы, черт возьми?

– Считайте меня своим спасителем. Или другом, который освободил вас из тюрьмы.

– Бред.

На том разговор и закончился. Голоса вокруг смолкли, в притихшем зале эхом отдавался скрежет стульев по полу. Отцы скроили серьезные мины и приготовились к выборам. Адам это ненавидел. Он тут вообще оказался случайно, вместо Коринн. Она была казначеем в оргкомитете лиги лакросса, но изменилось расписание учительской конференции в Атлантик-Сити, куда ее посылала школа, и Адаму пришлось подменить жену. Для Седарфилдской лиги лакросса это был главный день в году, вот почему Коринн проявляла такую активность.

– Вам стоит поблагодарить меня, – произнес незнакомец.

– С чего бы это?

Мужчина улыбнулся. Впервые. Адам не мог не отметить, что улыбка была добрая – как у целителя или человека, который просто хочет поступать правильно.

– Дело ваше, – сказал незнакомец.

– Ты лжец.

– Вам, разумеется, лучше знать, Адам.

– Адам! – позвал Трипп Эванс с другого конца зала, обернувшись к ним.

Все уже расселись, кроме Адама и его собеседника.

– Я должен идти, – шепнул незнакомец. – Но если вам нужны доказательства, проверьте свою карту «Виза». Поищите там счет от компании «Новые игрушки».

– Подожди...

– И еще одно. – Мужчина подался ближе. – На вашем месте я, пожалуй, сделал бы тест на ДНК двух своих мальчиков.

Тик-тик-тик... Так... Бу-ум!

– Что?

– Тут у меня нет доказательств, но если женщина врет о таких вещах, то можно биться об заклад, что это не впервой.

Ошеломив Адама напоследок этим новым обвинением, незнакомец торопливо вышел за дверь.

Глава 2

Когда Адаму наконец удалось совладать с ногами, он бросился за незнакомцем.

Слишком поздно.

Мужчина сел на пассажирское сиденье серой «хонды-аккорд». Машина тронулась. Адам подбежал, чтобы взглянуть на нее поближе и запомнить номера, но успел только определить, что машина из родного штата Нью-Джерси. Но вот «хонда» развернулась, чтобы выехать со стоянки, и он заметил кое-что еще.

За рулем сидела женщина.

Молодая, с длинными светлыми волосами. Когда уличный фонарь осветил ее лицо, Адам увидел, что она смотрит на него. Их глаза встретились всего на мгновение, но Адам прочел во взгляде незнакомки беспокойство или даже жалость.

К нему.

Машина с ревом умчалась. Кто-то окликнул Адама, и он поплелся обратно в зал.

* * *

Они начали с отбора в домашнюю команду.

Адам пытался включиться, но звук доносился до него, будто сквозь мутное стекло дверцы душевой кабинки. Коринн облегчила ему задачу. Она расставила по порядку всех мальчиков, которые уже прошли пробы на членство в команде шестиклассников, и выбирать придется только из оставшихся. На самом деле – и это единственная причина, почему он здесь оказался, – нужно сделать так, чтобы их сын Райан, шестиклассник, попал в команду звезд, которая будет играть на выездах. Томас, их старшенький, второй год учился в школе последней ступени, а в возрасте Райана оказался «за бортом» звездной команды, потому что – по крайней мере, так думала Коринн, и Адам отчасти разделял ее мнение – родители недостаточно активно включились в процесс отбора. Очень многие отцы пришли сюда нынче не столько из любви к игре, сколько для защиты интересов своих детей.

Включая Адама. Прискорбно, но что поделаешь.

Адам пытался отвлечься от услышанного – кто вообще этот тип? – но ничего не получалось. Зрение его туманилось при взгляде на собранные Коринн «разведывательные данные». Жена была донельзя обстоятельна, почти дотошна, когда расставляла мальчиков по порядку от лучшего к худшему. Вот одного из претендентов зачислили в команду, и Адам будто в полусне вычеркнул из списка его имя. Он изучал каллиграфический почерк супруги – образец для подражания, шаблон, плакатики с такими буквами ваш учитель в третьем классе прикреплял кнопками к доске. В этом была вся Коринн. Это она приходила на уроки и плакалась, что провалит тест, а в результате писала его лучше всех и получала свою пятерку. Она была умная, послушная, красивая и...

Лживая?

– Перейдем к выездным командам, ребята, – скомандовал Трипп.

Зал снова огласило эхо скрежещущих по полу стульев. Все еще пребывая в тумане, Адам присоединился к кружку из четырех мужчин, которые решают, кого взять в выездные команды «А» и «Б». Тут уж действительно было за что бороться. Домашняя лига выступала только дома. Лучшие игроки составляли команды «А» и «Б», которые участвовали в турнирах и путешествовали по всему штату.

«Новые игрушки». Почему эти слова звучат как тревожный сигнал?

Главным тренером команды был Боб Байме, но Адам всегда называл его про себя Гастоном, по имени героя из диснеевского мультфильма «Красавица и чудовище». Боб был похож на огромную сдобную булку, широко улыбающуюся, но такую улыбку увидишь только на лице идиота. Он был громогласен, напыщен, жаден и глуп; куда бы и когда бы Боб Байме ни шел, с важным видом размахивая руками, казалось, что его шествие сопровождает песенка из мультфильма: «Кто самый ловкий / бойкий / меткий? Гастон!»

«Выкинь из головы, – уговаривал сам себя Адам. – Этот чужак просто пошутил с тобой...»

Набрать команды – секундное дело. Каждому ребенку были выставлены оценки от одного до десяти баллов в разных категориях – упражнение с палкой, скорость, сила, ловкость и прочее. Все они складывались, и вычислялся средний балл. Теоретически нужно было просто пробежаться по списку и отчеркнуть восемнадцать первых, которые попадут в команду «А», и следующих восемнадцать – для команды «Б», остальные – в пролете. Чего проще. Но сперва каждый родитель должен убедиться, что его сын попал в список тех, кого готовил он сам.

Ладно, хорошо, сделано.

Потом начали просматривать рейтинги. Дело продвигалось быстро, пока не дошло до самых последних претендентов на членство в команде «Б».

– Джимми Хох должен быть включен, – заявил Гастон.

Боб Байме говорил редко. По большей части он делал заявления.

Один из мышеподобных ассистентов Гастона – имени его Адам не знал – промямлил:

– Но Джек и Логан стоят в списке выше его.

– Да, верно, – провозгласил Гастон. – Но я знаю этого мальчика. Джимми Хох. Он играет лучше этих двоих. Просто плохо выступил на отборе. – Толстяк кашлянул в кулак и продолжил: – К тому же у Джимми был тяжелый год. Его родители развелись. Мы должны дать ему передышку и взять в команду. Так что если никто не видит тут проблемы...

Он начал записывать имя Джимми.

Адам услышал свой голос:

– Я вижу.

Все взгляды обратились на него.

Гастон наставил на Адама подбородок с ямочкой:

– Простите?

– Я вижу тут проблему, – повторил Адам. – У Джека и Логана более высокие баллы. У кого из двоих выше?

– У Логана, – уточнил один из ассистентов.

Адам быстро просмотрел список и нашел нужные цифры.

– Верно. Значит, в команде должен быть Логан. У него лучше баллы и выше рейтинг.

Ассистенты не разинули рот с громким изумленным «а-а-а», хотя могли бы. Гастон не привык к возражениям. Он подался вперед, обнажая крупные зубы.

- Не обижайтесь, но вы тут просто замещаете свою жену.

Он слегка подчеркнул слово «жену», как будто если человек кого-то замещает, то он не настоящий мужчина.

- Вы даже не ассистент тренера, - продолжил Гастон.

- Правильно, - согласился Адам. - Но я умею читать числа, Боб. Средняя оценка Логана - шесть целых семь десятых, а у Джимми - всего шесть целых четыре десятых. Даже при современных достижениях математики шесть целых и семь десятых - это больше, чем шесть и четыре. Я могу нарисовать график, если нужно.

Гастон не врубился в сарказм.

- Но я ведь только что объяснил: имеются смягчающие обстоятельства.

- Развод?

- Именно.

Адам посмотрел на помощников главного тренера, а те вдруг обнаружили нечто завораживающе интересное на полу, прямо у себя под ногами.

- Хорошо, а вам известно, что происходит дома у Джека или у Логана?

- Я знаю, что их родители вместе.

- Значит, для нас теперь это решающий фактор? - спросил Адам. - У вас очень удачный брак, не так ли, Га... - Он чуть не назвал толстяка Гастоном. - Боб?

- Что?

- Вы и Мелани. Вы самая счастливая пара, какую я знаю.

Мелани была маленькой, светленькой и бойкой, она постоянно моргала, будто ее только что шлепнули по лицу. Гастону нравилось прилюдно трогать ее за задницу – не столько чтобы выразить свою к ней привязанность или даже любовстрасшие, сколько для демонстрации права собственности на эту женщину.

Боб отклонился назад, тщательно подбирая слова:

– У нас удачный брак, да, но...

– Значит, это должно уменьшить оценку твоего сына хотя бы на полбалла, верно? В результате рейтинг Боба-младшего понижается – дайте-ка мне взглянуть... до шести целых трех десятых балла. Команда «Б». Значит, если мы повысим оценку Джимми, потому что у его родителей проблемы, то не должны ли мы снизить баллы вашему сыну, раз уж ваша пара так чертовски совершенна?

– Адам, вам нездоровится? – поинтересовался один из ассистентов Боба.

Адам вскинул голову в сторону спросившего:

– Ничуть.

Гастон начал разминать руки.

«Коринн все это выдумала. Она вообще не была беременна».

Адам уперся взглядом в глаза толстяку. «Ну, давай, приятель, – подумал он про себя. – Сегодня или никогда». Гастон был здоровым и мускулистым, но из тех, у кого вся сила только напоказ. Поверх плеча Гастона Адам видел изумленное лицо Триппа Эванса.

– Тут не судебный зал, – сказал Гастон, сверкнув зубами. – Это ни в какие ворота не лезет.

Адам четыре месяца как не был в судебном зале, но не стал утруждать себя поправками. Он потряс в воздухе листками.

– Эти оценки собраны здесь неспроста, Боб.

– Как и мы все, – сказал Гастон, взъерошивая свою черную гриву. – Тренеры. Ребята, которые годами наблюдали за этими детьми. Решающее слово за нами. Как главный тренер, я закрываю торги. Джимми старательный. Это тоже не лишнее. Мы ведь не компьютеры. Мы используем все инструменты, которые есть в наличии, чтобы выбрать самых достойных. – Он примирительно раскинул ручищи, пытаясь урезонить бунтаря. – И, кроме того, мы говорим о последнем парнишке в списке команды «Б». Всего-то и делов.

– Могу поспорить, что для Логана это очень важное дело.

– Я – главный тренер. Последнее слово за мной.

В комнате поднялся шум. Отцы семейств начали расходиться. Адам открыл было рот, чтобы сказать что-то еще, но какой смысл? Он не победит в этом споре, и чего ради он вообще его затеял? Он об этом Логане слыхом не слыхивал. Спор немного отвлек его от сумятицы, которую оставил в душе незнакомец. Не больше. Адам это знал. Он встал со стула.

– Куда ты? – спросил Гастон, искушающе выставив под удар подбородок.

– Райан в команде «А», верно?

– Верно.

Вот для чего пришел сюда Адам – чтобы защитить, если понадобится, своего сына. Сделано. Остальное – мусор, обломки кораблекрушения.

– Приятного вечера, ребята.

Адам вернулся к бару. Он кивнул Лену Гилману, шефу городской полиции, которому нравилось работать за стойкой, потому что это сдерживало любителей порулить «под газом». Лен кивнул в ответ и придвинул к Адаму бутылку «Бада». Адам с чуть преувеличенным смаком открутил крышку. К нему бочком пробрался Трипп Эванс. Лен скольльзящим движением отправил бутылку «Бада» и ему. Трипп взял ее и чокнулся с Адамом. Мужчины пили молча, участники собрания расходились. Звучали прощальные «пока» и «бывай». Гастон драматически поднялся – с такой фигурой драматизм давался ему легко – и стрельнул

взглядом в Адама. Тот качнул бутылкой, салютуя толстяку: мол, будь здоров. Гастон свирепо выкатился вон.

- Заводишь друзей? - спросил Трипп.

- Я общительный, - ответил Адам.

- Ты разве не знаешь, что он вице-президент оргкомитета?

- Как бы не забыть в следующий раз припасть к его стопам, - сказал Адам.

- Я президент.

- В таком случае мне лучше запастись наколенниками.

Трипп одобрительно закивал.

- У Боба сейчас нелегкие времена.

- Этот Боб - брехун паршивый.

- Да уж. Знаешь, почему я остаюсь президентом?

- Девчонок кадрить?

- И это тоже. А еще потому, что стоит мне уйти, и следующий в очереди - Боб.

- Содрогаюсь. - Адам начал опускать бутылку. - Я, пожалуй, пойду.

- Он без работы.

- Кто?

- Боб. Потерял работу больше года назад.

- Печально, - сказал Адам, - но это не оправдание.

- Я и не оправдываю его. Просто хотел, чтоб ты знал.

- Понял.

- Так вот, - продолжил Трипп Эванс, - Боб нанял одного охотника за головами, чтобы тот помог ему найти работу, - очень известного и важного хедхантера.

Адам поставил пиво:

- И?

- И этот важный хедхантер ищет Бобу работу.

- Ты уже говорил.

- Его имя - Джим Хох.

Адам замер:

- Так это отец Джимми Хоха?

Трипп ничего не ответил.

- Поэтому он хочет взять парнишку в команду?

- А ты думаешь, Боба волнует развод его родителей?

Адам покачал головой:

- И тебя это устраивает?

Трипп пожал плечами:

- Тут все нечисто. Если родители начинают вмешиваться в спортивные занятия детей, то получается, знаешь, как львица носится со своим детенышем. Иногда ребенка принимают потому, что он живет по соседству. Иногда потому, что у него мамаша хороша собой и откровенно одевается на игры...

- Ты это по своему опыту знаешь?

- Виноват. А иногда ребенка берут в команду потому, что его папочка помогает кое-кому найти работу.

- Старина, ты что-то слишком циничен для рекламщика.

Трипп улыбнулся:

- Да, знаю. Но мы всегда так говорим. На что ты готов пойти ради близких? Ты никогда никому не причиняешь зла; я никогда никому не причиняю зла. Но если кто-то угрожает твоей семье, если речь идет о спасении твоего ребенка...

- Мы убьем?

- Оглядишься по сторонам, дружище. - Трипп простер руку. - Этот город, эти школы, эти программы, эти дети, эти семьи... Иногда я просто сижу и не могу поверить: какие мы все счастливы. Мы, понимаешь ли, проживаем мечту.

Адам понимал. В общих чертах. Ему тоже пришлось заплатить за эту мечту, пройдя путь от дешевого государственного защитника до известного, высокооплачиваемого адвоката по вопросам недвижимости. А стоило ли оно того?

Адам сомневался.

- То есть Логан тоже должен заплатить свою цену?

- С каких это пор жизнь стала справедливой? Послушай, у меня были клиенты из одной крупной автомобильной компании. Да, ты знаешь название. И вот недавно читаешь в газетах, что они скрывали проблему с рулевыми колонками. Многие люди покалечились или даже погибли. Эти автомобильщики, вообще-то, очень

милые. Нормальные. Как же они могли? Как могли ради бабок накосячить такое, что погибли люди?

Адам понимал, куда их приведет этот разговор, но с Триппом всегда было приятно пускаться в путь.

– Потому что они коррумпированные скоты?

Трипп нахмурился:

– Ты знаешь, что это не так. Они как сотрудники табачных компаний. Разве те тоже негодяи? Все до единого? А что ты скажешь про святош, которые замалчивают церковные скандалы, или, я не знаю, про тех, кто загрязняет реки? Они все коррумпированные скоты, Адам?

Таков был Трипп – папаша-философ из пригорода.

– Вот ты мне и скажи.

– Все зависит от точки зрения, Адам. – Трипп усмехнулся, снял кепку, пригладил пряди редеющих волос и нацепил ее обратно. – Мы, люди, не видим как есть. Наши взгляды всегда предвзяты. Мы блюдем собственные интересы.

– Во всех этих примерах я обратил внимание на одну вещь... – сказал Адам.

– Какую?

– Деньги.

– Это корень всех зол, дружище.

Адам вспомнил о незнакомце. Потом подумал о своих сыновьях: они сейчас дома. Может быть, делают уроки или играют в видеоигры. Промелькнул и образ жены, которая была на учительской конференции в Атлантик-Сити.

– Не всех зол, – отозвался Адам.

Глава 3

На парковке у Американского легиона было темно. Только полосы света из открытых дверей машин да редкие вспышки экранов проверяемых смартфонов вспарывали черную завесу. Адам сел за руль. Несколько секунд он ничего не делал. Просто сидел. Не запирали дверцы, не заводил мотор, вообще не шевелился.

«Не надо было вам оставаться с ней...»

Он уловил вибрацию телефона в кармане и рассудил: наверное, эсэмэска от Коринн. Ей не терпится узнать, как прошел отбор в команду. Адам вынул телефон и посмотрел на экран. Да, сообщение от Коринн:

Как все прошло??

Он не ошибся.

Адам уставился на эту фразу так, будто в ней могло содержаться какое-то скрытое послание. Тут резкий стук костяшками пальцев по стеклу заставил его подскочить. Голова Гастона размером с тыкву заполнила окно со стороны пассажира. Натужно улыбаясь, Гастон жестом показывал: мол, опусти стекло. Адам вставил ключ в замок зажигания, нажал кнопку и проследил взглядом за тем, как прозрачный щит едет вниз.

– Эй, дружище, – начал толстяк, – ты на меня зла не держи. Просто мы разошлись во мнениях, верно?

– Так и есть.

Гастон просунул в окно руку. Адам пожал ее.

– Удачи в этом сезоне, – сказал Гастон.

– Ага. И удачи в поисках работы.

Гастон на миг замер. Их было двое: Гастон, заслонявший собой окно, и Адам, сидевший внутри, но не отводивший взгляда. Наконец толстяк вытащил ручищу и гордо удалился.

Шут гороховый.

Телефон снова зажужжал. И снова это оказалась Коринн:

Привет?!?

Адам так и видел, как она смотрит на экран и умирает от нетерпения в ожидании новостей. Игры с чужими чувствами были не в его стиле, и он не видел причины не ответить жене:

Райан в команде «А».

Реакция последовала незамедлительно:

Йа-а-у!!! Позвоню через полчаса.

Адам убрал телефон, завел мотор и отправился домой. Ехать было всего 2,6 мили. Коринн, начав заниматься бегом, замерила расстояние одометром в своей машине. Он проехал мимо нового совмещенного магазина «Данкин’с Донатс/Баскин-Роббинс» на Южной Кленовой улице и свернул налево на углу у заправки «Санок». Когда Адам подъехал к дому, везде, как всегда, горел свет, несмотря на позднее время. В школах теперь только и говорят об экологии и возобновляемой энергии, но его мальчишки так и не научились гасить свет, выходя из комнаты.

У входа Адам услышал лай их бордер-колли Джерси. А когда отпер дверь, был встречен ею, как солдат, освободившийся из плена, и заметил, что собачья миска для воды пуста.

- Привет!

Нет ответа. Райан, наверное, уже спит. Томас либо доделывает уроки, либо сейчас заявит об этом. Его невозможно застать в разгар видеоигры или возни с ноутбуком – Адам почему-то всегда прерывал своего старшего, когда тот вот только сию минуту закончил домашнюю работу и сейчас приступает к игре или садится за компьютер. Адам наполнил миску водой.

- Привет.

Наверху лестницы появился Томас:

- Привет.

- Ты погулял с Джерси?

- Не успел.

На кодовом языке подростка: нет.

- Так иди гуляй.

- Только мне нужно доделать одно задание.

Закодированное подростковое «нет».

Адам уже готов был сказать «сейчас же» – обычные родительско-тинейджерские пляски, – но остановился и посмотрел на сына. К глазам подступали слезы, он их подавил. Томас был похож на него. Все так говорили: та же походка, тот же смех, и второй палец на ноге длиннее первого, большого.

Невозможно. Никак не возможно, чтобы он не был его, Адама, сыном. Хотя незнакомец и намекал, что...

И ты прислушиваешься к словам неизвестно кого?

Он подумал, сколько раз они с Коринн предупреждали детей о пресловутой опасности бесед с незнакомцами; говорили, что не следует быть слишком отзывчивыми к просьбам о помощи, что надо привлечь к себе внимание, если к тебе приближается какой-нибудь взрослый; учили кодовым словам, которые помогут в случае опасности. Томас сразу все понял. Райан был более доверчив. Коринн с подозрением относилась к разным типам, которые толкуются вокруг поля младшей лиги, ко всем этим прирожденным советчикам, готовым натаскивать мальчишек и давать уроки мастерства, когда их собственные дети не участвуют в соревнованиях или у них вообще нет детей.

Адам всегда смотрел на такие вещи снисходительнее, хотя, вероятно, все было сложнее. Возможно, когда дело касалось детей, он не доверял вообще никому, а не только откровенно подозрительным личностям.

Но разве так не проще?

Томас заметил что-то в лице отца, изобразил на своей физиономии ответную реакцию и в подростковой манере, топоча ногами и подскакивая, стал спускаться по лестнице, будто какая-то невидимая рука пихала его в спину, а ноги торопились поспеть за толчками.

- Мог бы и сам выгулять Джерси, - буркнул Томас, прогромыхал мимо отца и схватил поводок.

Джерси уже приплясывала у двери, готовая идти. Как все собаки, она при любой возможности была не прочь прогуляться. Свое нестерпимое желание выйти на улицу псина выражала тем, что топталась у входа, лишая хозяев возможности открыть дверь и выпустить ее. Собаки, что с них взять.

- Где Райан? - спросил Адам.

- Спит.

Адам глянул на часы на микроволновке. Десять пятнадцать. Райан ложился в десять, хотя ему разрешалось не спать и читать до половины одиннадцатого, когда уже гасили свет. Райан, как и Коринн, был склонен следовать правилам. Ему никогда не напоминали, что уже девять сорок пять и тому подобное. По утрам он вставал по звонку будильника, принимал душ, одевался, готовил себе завтрак. Томас был совсем другой. Адам часто подумывал, не вложиться ли в погонялку для скота, чтобы заставить сына пошевеливаться с утра.

«Новые игрушки»...

Адам услышал, как за Томасом и Джерси захлопнулась наружная дверь. Он поднялся вверх и заглянул к Райану. Тот уснул с включенным светом и последним романом Рика Риордана, распластанным на груди. Адам на цыпочках прокрался в комнату, взял книгу, вставил в нее закладку и отложил в сторону. Потом потянулся к выключателю лампы, и тут Райан приподнялся:

– Пап?

– Да.

– Я попал в «А»?

– Письмо придет на почту завтра, дружок.

Ложь во спасение. По идее, Адаму не полагалось знать результаты. И тренеры не должны были оповещать своих воспитанников, пока утром не будет разослано официальное электронное письмо, чтобы все ознакомились с новостями одновременно.

– Ладно.

Райан закрыл глаза и уснул прежде, чем голова опустилась на подушку. Адам на мгновение задержал взгляд на сыне. Внешностью тот почтил мать, что до сегодняшнего дня не имело для Адама особого значения, – на самом деле это всегда воспринималось как плюс, – но теперь, этим вечером, он начал задумываться. Глупо, конечно, но никуда не деться. Звончек звонил без умолку. Заноза вонзилась в мозг и не давала покоя. Но что с того, черт возьми, что?

Порассуждаем чисто теоретически. Адам посмотрел на Райана, и его охватило всепоглощающее чувство, которое он иногда испытывал, глядя на своих мальчиков: отчасти это была безмятежная радость, отчасти страх перед опасностями мира, отчасти желаниа и надежды, и все это смешивалось в одну-единственную на всем белом свете вещь, которая ощущалась как абсолютная чистота. Банально, да, но вот к чему мы пришли. Непорочность. Именно это поражает, когда вы, глядя на родного ребенка, забываете обо всем, – чистота, которая имеет истоком только подлинную, безоговорочную любовь.

Он чертовски любит Райана.

И если он узнает, что Райан не его сын, то разве утратит эту любовь? Все исчезнет? Неужели это важно?

Адам покачал головой и отвернулся. Для одного вечера хватит философствований об отцовстве. Пока ничего не изменилось. Какой-то странный человек наговорил ему чепухи о ложной беременности. И только. Адам достаточно долго был связан с правовой системой и прекрасно знал: ничто нельзя принимать на веру. Ты вникаешь в историю. Люди лгут. Ты проводишь расследование, потому что представление о деле, составленное до подробного разбирательства, со временем очень часто разлетается на куски, как напорвшийся на мину корабль.

Конечно, Адам нутром чуял: в словах незнакомца есть доля правды, но в том и беда. Когда ты прислушиваешься к нутру, то часто обманываешься с большей убежденностью.

Займись. Изучи дело.

Но как?

Просто. Начни с «Новых игрулек».

Вся семья пользовалась одним настольным компьютером, который стоял в гостиной. Это была идея Коринн. Так мы избежим проблем с Интернетом (читай: просмотра порнухи). Адам и Коринн, как гласила теория, будут в курсе всего и проявят себя зрелыми, ответственными родителями. Однако Адам быстро разобрался, что такая политика абсурдна и избыточна. Мальчишки могли

смотреть что угодно, включая порно, на телефонах. Они могли пойти к друзьям, могли взять любой ноутбук или планшет, валявшийся в доме.

Кроме того, это был прием из арсенала ленивых родителей – так считал Адам. Надо учить детей поступать правильно, потому что это правильно, а не потому, что мама и папа стоят над душой. Разумеется, все отцы и матери начинают с веры в такие вещи, но очень быстро осознают, что в пути напрямик что-то есть.

Другая проблема была более очевидной: если нужно воспользоваться компьютером в одобряемых целях – для той же учебы, – то шум с кухни и работающий телевизор обязательно отвлекут. Поэтому Адам переместил компьютер в укромный уголок, которому они дали громкое название «домашний офис»: этот закуток служил слишком многим людям для слишком разных целей. Справа от компьютера лежала стопка готовых к проверке тетрадей учеников Коринн. Повсюду были в беспорядке разложены учебники сыновей, раскрытые на месте задания. Забытый набросок сочинения торчал из принтера, завалившись набок, как раненый солдат на поле боя. На стульях громоздились стопки счетов, которые Адам должен был оплатить онлайн.

Интернет открылся на странице какого-то музейного сайта. Один из сыновей, наверное, проходит Древнюю Грецию. Адам заглянул в историю браузера, чтобы узнать, на какие сайты заходили в последнее время, хотя мальчики выросли донельзя сообразительные – не оставят ни единой улики. Однажды Томас случайно забыл выйти со своей страницы в «Фейсбуке». Адам сел за компьютер и уставился на экран, изо всех сил стараясь побороть желание сунуть нос в личную переписку сына.

Он проиграл эту битву.

Несколько сообщений, и Адам остановился. Главное, что Томасу ничто не угрожало, однако выяснить это помогло грубое вторжение в его личную жизнь. Сын уже знал кое-какие вещи, знать о которых ему пока не полагалось. Ничего особенно страшного. Ничего потрясающего основы бытия. Хотя о таких предметах отцу лучше поговорить с сыном по душам. И что ему делать с полученной информацией? Если спросить Томаса напрямую, придется признать, что он влез в его личную переписку. Стоила ли овчинка выделки? Адам подумывал, не сказать ли об этом Коринн, но, когда немного остыл и прошло время, он понял, что разговор, часть которого стала ему известна, не является чем-то ненормальным. Сам Адам подростком тоже занимался вещами, о которых

папе с мамой лучше было не знать, а потом просто перерос эти глупости. Если бы родители шпионили за ним и, ставя перед фактами, требовали ответа, то он, вероятно, совершил бы что-нибудь и похуже.

И Адам просто закрыл глаза на то, что узнал.

Родительство. Это не для неженков.

Ты медлишь, Адам.

Да он и сам это понимал. Итак, вернемся к тому, с чего начали.

В истории посещения за сегодняшний вечер ничего примечательного не нашлось. Один из сыновей – наверное, Райан – действительно изучал Древнюю Грецию или просто увлекся книгой Риордана. Он открывал ссылки на Зевса, Аида, Геру, Икара, или, если обобщить, на греческую мифологию. Адам переместил курсор ниже и кликнул по вчерашнему журналу. Он увидел запросы на путь до отеля и казино «Бограта» в Атлантик-Сити. Там остановилась Коринн. Еще она искала расписание работы конференции и заходила на эту страницу.

Ничего особенного.

Хватит тянуть.

Адам зашел на страницу своего банка. Они с Коринн открыли два счета в системе «Виза», и между собой один называли личным, а другой – деловым. Так было удобнее вести бухгалтерию. Деловую карту они использовали для покрытия «бизнес-расходов»: с нее, например, оплачивалась учительская конференция в Атлантик-Сити. Для всего остального применялась личная.

Сначала Адам решил проверить ее. На сайте имелась поисковая система. Он набрал слово «новые». Ничего не найдено. Ладно, хорошо. Он ввел другие данные и проделал ту же процедуру поиска с карточкой для деловых расходов.

И вот оно.

Чуть более двух лет назад был оплачен счет от компании «Новые игрушки» на 387,83 доллара.

Адам слушал тихое гудение компьютера.

Как? Как мог незнакомец узнать об этом?

Никаких идей.

Адам уже видел этот счет. Или нет? Все-таки видел. Он перевернул свою память и соскреб в кучку жалкие обрывки воспоминаний. Да, он сидел здесь же и проверял расходы по карте «Виза». Он спросил Коринн об этом счете. Она небрежно отмахнулась, сказала что-то про украшение класса. Адама удивила цена. Он посчитал ее высоковатой. Коринн ответила, что школа возместит ей эти деньги.

«Новые игрушки». Это же не гнусно звучит?

Адам открыл новое окно и загуглил «Новые игрушки».

Гугл ответил плевком:

Показываю результаты для «Новые игрушки».

Нет результатов для «Новые игрушки».

Ну и ну. Это странно. В «Гугле» есть все. Адам откинулся на спинку стула и принялся обдумывать другие варианты. Почему нет ни одного результата по запросу «Новые игрушки»? Ведь компания существовала. Это видно по оплате с карты «Виза». Адам решил, что они продают какие-то украшения, ну, или развлекательные новинки.

Адам пожевал губу. Он пока ничего не понял. К нему подошел незнакомец и сообщил, что жена лгала ему – изобретательно, надо признать, – о своей беременности. Кто он такой? Зачем это сделал?

Ладно, забудем эти два вопроса и обратимся к одному, который имеет большее значение: правду ли сказал незнакомец?

Адаму хотелось просто ответить «нет» и жить, как живется. Какие бы семейные трудности они ни переживали, сколько бы шрамов ни осталось на сердце после восемнадцати лет совместной жизни, он верил жене.

Многие вещи со временем ускользают, разрушаются, растворяются, или, выразимся оптимистичнее, изменяются, но есть одна, которая, судя по всему, не только сохраняется, но с годами становится прочнее, – это семейные узы. Они обеспечивают защиту: вы – команда, ты и твой супруг. Вы играете на одной стороне и, будучи вместе, чувствуете спину друг друга. Твои победы – это и ее победы; то же и с поражениями.

Адам доверил Коринн свою жизнь. И все же...

Он миллион раз встречался с такими историями на работе. Проще говоря, люди врут. У них с Коринн, может быть, и крепкий союз, но каждый в нем – отдельная личность. Было бы здорово, несмотря ни на что, продолжать верить и забыть о появлении незнакомца – Адама подмывало так и поступить, – но это слишком напоминало голову, засунутую в песок и вошедшую в поговорку. Голос сомнения в глубине души, может быть, когда-нибудь и притихнет, но полностью не умолкнет никогда.

Пока он не уверится во всем до конца.

Незнакомец заявил, что доказательства кроются в этом на первый взгляд безобидном списании средств с карты «Виза». Адам обязан разобраться во всем ради себя, да и ради Коринн (она ведь не захочет мириться с оговором?), и потому он позвонил по бесплатному телефону техподдержки «Визы». Механический голос попросил его ввести номер карты, дату выпуска и защитный код с оборотной стороны. Робот попытался предоставить ему стандартную информацию, но наконец спросил, не хочет ли Адам поговорить с представителем банка. Представитель. Как будто он звонит в конгресс. Адам ответил «да» и услышал гудки.

Приняв звонок, представительница заставила Адама повторить ту же информацию – зачем они всегда это делают? – и в придачу назвать четыре последние цифры номера его свидетельства социального страхования и адрес.

– Чем я могу вам помочь, мистер Прайс?

– С моей карты были переведены деньги на счет компании «Новые игрушки».

Женщина попросила его произнести по буквам слово «игрушки». Потом:

– Вы знаете размер и дату транзакции?

Адам сказал. Он ожидал выражения недовольства, когда выдал дату, – оплату произвели больше двух лет назад, – но представительница никак это не прокомментировала.

– Какие сведения вам нужны, мистер Прайс?

– Я не помню, чтобы покупал что-нибудь у компании «Новые игрушки».

– Хм, – сказала представительница.

– Хм?

– Ну, некоторые фирмы не выставляют счета под настоящими наименованиями. Из предусмотрительности. Как, знаете, бывает, когда вы заселяетесь в отель и вам обещают, что название фильма не будет упоминаться в счете за телефон.

Она намекала на порнографию или что-нибудь другое, связанное с сексом.

– Это не тот случай.

– Ну что ж, тогда давайте посмотрим, кто есть кто. – В трубке послышалось щелканье кнопок клавиатуры. – «Новые игрушки» значатся в списке компаний, торгующих в розницу через Интернет. Обычно это означает, что фирма готова сохранять конфиденциальность. Это чем-то полезно?

И да и нет.

- Есть возможность попросить у них детализированный чек?

- Конечно. Это может занять несколько часов.

- Ничего страшного.

- У нас есть ваш электронный адрес в анкете. - Она прочла его. - Прислать вам ответ туда?

- Это было бы здорово.

Женщина осведомилась, не может ли она помочь еще чем. «Нет, спасибо», - ответил Адам. Она пожелала ему приятного вечера. Он повесил трубку и уставился на экран со счетами. «Новые игрушки». Теперь, по зрелому размышлению, ему послышалось в этих словах закодированное название секс-шопа.

- Пап?

Это был Томас. Адам быстро свернул экран, как... ну да, как его сын, смотрящий порно.

- Привет, - отозвался Адам самым обычным из обычных тоном. - Что случилось?

Если поведение отца и показалось сыну подозрительным, то виду он не подал. Подростки бывают до глупости невнимательны и зациклены на себе. В данный момент Адам был этому рад. Чем занимается отец в Интернете? Этот вопрос не мог быть для Томаса совсем уж безынтересным.

- Ты не отвезешь меня к Джастину?

- Сейчас?

- У него остались мои шорты.

- Какие шорты?

- Мои спортивные шорты. Для завтрашней тренировки.

- Ты не можешь надеть другие?

Томас посмотрел на отца так, будто у родителя на лбу вдруг вырос рог.

- Тренер говорит, что на занятиях мы должны носить спортивные шорты.

- А Джастин не может просто принести их завтра в школу?

- Он должен был принести сегодня. Но забыл.

- Так в чем же ты занимался?

- У Кевина были запасные. Его брата. Они с меня падали.

- Может, ты скажешь Джастину, чтобы положил твои шорты в рюкзак прямо сейчас?

- Я-то скажу, только он этого не сделает. До него ехать всего четыре квартала. И я потренируюсь водить машину.

Неделю назад Томас получил ученический допуск – родительский эквивалент стресс-теста, но без использования электрокардиографа.

- Хорошо. Я спущусь через секунду.

Адам стер историю своих интернет-блужданий в браузере и направился вниз. Джерси рассчитывала на еще одну прогулку и, когда они проходили мимо, одарила их горестным взглядом, говорившим: «Не могу поверить, что вы не берете меня с собой». Томас прихватил ключи от машины и уселся за руль.

На пассажирском месте Адам смог немного расслабиться. Коринн в своем желании контролировать все доходила до полного маразма. Как пассажир, она без конца выкрикивала команды и предостережения, едва не давя на воображаемые тормоза. Когда Томас выехал на улицу, Адам повернулся и стал рассматривать профиль сына. На щеках появились прыщики. Под ухом выросли мягкие волоски, что делало Томаса похожим на Эйба Линкольна, только лицо полнее. Сыну пора бриться. Не каждый день. Не чаще чем раз в неделю, но пора. На Томасе были длинные шорты. Ноги покрыты волосами. И у него красивые голубые глаза, у его сына. Все обращали на них внимание. Они искрились и сверкали, как льдинки.

Томас свернул на подъездную дорожку, и его занесло слишком близко к правому поребрику.

– Вернусь через пару секунд, – сказал он.

– Ладно.

Томас поставил машину на парковку и потрусил к двери. Открыла мать Джастина, Кристин Хой, – Адам заметил блестящую копну светлых волос, и это его удивило. Кристин преподавала в той же старшей школе, что и Коринн. Они подружились. Адам думал, что Кристин тоже уехала в Атлантик-Сити, но потом вспомнил: конференция была для преподавателей истории и языков. Кристин вела математику.

Она улыбнулась и махнула рукой. Он помахал в ответ. Томас скрылся в доме, а Кристин пошла по дорожке к машине. Пусть это звучит неполиткорректно, но Кристин Хой была сексапильной мамашкой. Адам не раз краем уха слышал, как на эту тему проходились друзья Томаса, хотя мог бы и сам составить такое мнение. Сейчас Кристин, покачивая бедрами, приближалась к нему; она была одета в джинсы и облегающий белый топ, сквозь которые прорисовывались все ее прелести. Кристин регулярно участвовала в соревнованиях бодибилдеров. Адам не знал точно в каких.

За ее именем в списках ставилось несколько букв, и она заслужила право называться «про», что бы под этим ни подразумевалось. Адам никогда не был поклонником мускулистых, тягающих штанги женщин, а на некоторых фотографиях с соревнований Кристин и правда выглядела слегка ребристой и

угловатой. Волосы чуть светлее, чем нужно, улыбка чуть ярче, загар чуть сильнее, оранжевый, однако при личной встрече все это выглядело чертовски привлекательно.

- Привет, Адам.

Он заколебался, надо ли ему вылезать из машины. И решил остаться на месте.

- Привет, Кристин.

- Коринн все еще не вернулась?

- Нет.

- Но будет завтра, да?

- Точно.

- Я свяжусь с ней. Нам нужно тренироваться. Через две недели у меня первенство штата.

На личной странице в «Фейсбуке» она называла себя фитнес-моделью и WBFF Pro – профессионалом в индустрии красоты, моды и фитнеса. Коринн завидовала ее телу. Недавно подружки начали заниматься вместе. Как и с большинством других занятий – хороши они для тебя или плохи, не суть, – ты достигаешь стадии, когда то, что началось как развлечение, постепенно превращается в привычку, а затем – в одержимость.

Томас вернулся с шортами.

- Пока, Томас.

- Пока, миссис Хой.

- Спокойной ночи, мальчики. Не балуйте особенно, пока мамы нет.

Она, грациозно раскачиваясь, пошла к дому.

- Такая доставучая, - сказал Томас.

- Нехорошо так говорить.

- Видел бы ты ее кухню!

- А что? Что там у нее с кухней?

- На холодильнике висят ее фотки в бикини, - сообщил Томас. - Тошнотина.

Трудно спорить. Как только Томас отъехал от поребрика, его губы тронула улыбка.

- Что? - спросил Адам.

- Кайл называет ее «нуйрожа», - отозвался Томас.

- Кого?

- Миссис Хой.

Адам удивился: может, это новое обозначение для сексапильной мамашки?

- Что значит «нуйрожа»?

- Так называют некрасивую, но с хорошим телом.

- Что-то я не догоняю, - сказал Адам.

- Нуйрожа. - Томас проговорил то же самое медленнее: - Ну. И. Рожа.

Адам постарался не засмеяться, неодобрительно качая головой. Он уже хотел прочесть сыну нотацию, сомневаясь, получится ли у него сделать это с

серьезным лицом, но тут зазвонил мобильник. Он посмотрел на экран.

Это была Коринн.

Адам нажал команду «игнорировать звонок». Надо следить за тем, как сын ведет машину. Коринн поймет. Он уже собрался спрятать телефон в карман и вдруг почувствовал, что аппарат вибрирует. «Наверное, голосовое сообщение», – подумал Адам, но нет, это оказалось письмо из банка. Он открыл его. В тексте давались ссылки на детализированные отчеты о покупках, но Адам едва обратил на них внимание.

– Пап? Ты в порядке?

– Следи за дорогой, Томас.

Он разберется в деталях, когда окажется дома, а прямо сейчас верхняя строка письма сказала ему больше, чем он хотел знать.

«Новые игрушки» – это название, под которым выставляет счета онлайн ретейлер Fake-A-Pregnancy.com.

Глава 4

Вернувшись домой и засев в своем офисном уголке, Адам открыл ссылку из письма и дождался загрузки сайта.

Fake-A-Pregnancy.com – «Подделай беременность».

Он пытался не реагировать. Знал же, что Интернет потакает любым греховным желаниям и вкусам, даже невообразимым, но открытие самого факта наличия сайта, посвященного подделке беременности, оказалось для Адама очередным случаем, когда разумное человеческое существо хочет сдаться, заплакать и признать, что худшие инстинкты опять одержали верх.

Под большим розовым заголовком шрифтом чуть мельче был набран слоган:
«Самые смешные геги!»

Геги?

Адам кликнул по вкладке «Популярные товары, купленные вами!». Первым в списке значился «Суперновый тест на беременность!». Адам покачал головой. Обычная цена \$ 34,95 была перечеркнута кривой красной линией, потому что сейчас началась распродажа – \$19,99, и ниже жирным курсивом было выведено: «Вы экономите \$15!»

Вот здорово, спасибо, что помогли сэкономить. Безмерно рад, что моя жена не платила по розничной цене!

Товар доставят в течение 24 часов в «не вызывающей подозрений упаковке».

Адам стал читать дальше:

Используйте его так же, как настоящий тест на беременность!

Опустите полоску в мочу и проверьте результат!

Положительный ответ гарантирован в любом случае!

У Адама пересохло во рту.

Пусть трясутся поджилки у твоего парня или его родственников, у твоего кузена или профессора!

У кузена или профессора? Кому, черт побери, нужно запугивать кузена или профессора, заставляя думать... Адам не захотел и дальше мыслить в этом направлении.

Ниже мелким шрифтом было написано предупреждение:

Внимание! Это изделие может быть использовано безответственно. Заполнив и отослав нижеприведенную форму, вы соглашаетесь не применять его в незаконных, аморальных, мошеннических целях или для причинения вреда другим людям.

Невероятно. Адам кликнул по изображению товара и увеличил картинку, чтобы рассмотреть упаковку. Тест – белая полоска с красным крестом, обозначающим беременность. Адам покопался в памяти. Такой ли использовала Коринн? Он не помнил. А вообще видел его? Полной уверенности не было. Ведь все они выглядят одинаково?

Однако сейчас Адам не сумел вспомнить, чтобы Коринн проводила тесты, когда он был дома. В случаях с Томасом и Райаном она встречала мужа в дверях широкой улыбкой и сообщала новость. В последний раз сцена была разыграна в спальне. Адам это помнил. Он лежал в постели, перещелкивал каналы на телевизоре. Жена вошла в ванную. Адам думал, тест займет несколько минут, но этого не случилось. Коринн мигом выскочила с полоской в руке.

– Адам, смотри! Я беременна!

Полоска была такая?

Он не знал.

Адам щелкнул по второй ссылке и тут же закрыл лицо руками.

ФАЛЬШИВЫЕ СИЛИКОНОВЫЕ ЖИВОТЫ!

Они были разных размеров: первый триместр (1–12 недель), второй триместр (13–27 недель), третий триместр (28–40 недель). Имелись также размеры «экстра», близнецовый, тройняшковый и даже на случай рождения четверни. Там была и фотография красивой женщины, с любовью глядящей на свой

«беременный» живот. Одета в белое подвенечное платье, она держала в руке белоснежные лилии.

Рекламный текст наверху гласил:

Ничто, кроме беременности, не поставит вас в центр внимания!

А чуть ниже шел совсем уж безыскусный призыв:

Получи отличные подарки!

Товар был изготовлен из силикона, «предназначенного для медицинских целей». Сайт описывал его как «материал, наиболее близкий к человеческой коже из всех изобретенных к настоящему времени!». Ниже были выложены видеоролики с подтверждениями качества товара от «благодарных клиентов компании „Подделай беременность“». Адам щелкнул по одному. Миловидная брюнетка улыбалась в камеру и говорила: «Привет! Мне так нравится мой силиконовый животик! Он такой естественный!» Далее она сообщала, что его доставили всего за два рабочих дня (не так быстро, как тест на беременность, но он ведь вам с такой же скоростью и не понадобится?) и что они с мужем усыновляли ребенка и не хотели, чтобы друзья знали об этом. Вторая женщина – стройная, рыжеволосая – объясняла, что они с мужем прибегли к помощи суррогатной матери и хотели скрыть это от друзей. «Надеюсь, – подумал Адам, – ваши друзья не подлецы и не станут рыскать по этому сайту, чтобы разоблачить вас». Последнее свидетельство исходило от женщины, которая использовала фальшивый живот, желая сыграть со своими друзьями «самую веселую в мире шутку».

Должно быть, друзья-то с приветом.

Адам вернулся на страницу с купленными товарами. Последней вещью в списке была... о боже... поддельная ультразвуковая сонограмма.

2D или 3D! На ваш выбор!

Фальшивые сонограммы распродавались по \$29,99. Глянцевые, матовые или на прозрачной пленке. Имелись пустые поля, куда можно было вписать имя врача, название больницы или клиники и дату ультразвукового исследования. Клиентка могла выбрать пол своего плода или только вероятностный прогноз (мальчик – 80 %), не говоря уже о возрасте, близнецах, все как пожелаете. За дополнительные \$4,99 можно было «добавить к фальшивой сонограмме голограмму, чтобы придать больше достоверности».

Адам почувствовал тошноту. Коринн показывала ему голограмму? Он не мог вспомнить.

И снова сайт попытался изобразить, что люди покупают предлагаемые на нем товары шутки ради.

«Прекрасный выбор для мальчишника!» Да уж, хохоча, колени себе отобьешь. «Отлично подходит для дней рождения и даже рождественских розыгрышей!» Рождественский розыгрыш? Завернуть в фольгу фальшивый тест на беременность и оставить под елкой для мамы с папой? Вот они посмеются-то.

Разумеется, разговор о приколах – подстраховка на случай судебных исков. Совершенно невозможно, чтобы создатели этого сайта не подозревали о том, что люди пользуются его услугами для обмана.

Так-то, Адам. Продолжай сдерживать возмущение. Продолжай игнорировать очевидное.

Одурение вернулось. Сегодня больше уже ничего нельзя сделать. Надо ложиться спать. Он будет лежать и думать. Не стоит торопиться. Слишком многое поставлено на кон. Сохраняй спокойствие. Заблокируй, если нужно.

Адам прошел мимо спален сыновей. Их комнаты, весь этот дом вдруг показались ему хрупкими, как яичная скорлупа, и если он не будет осторожен, то рассказ незнакомца может их сокрушить.

Он вошел в супружескую спальню. На ночном столике Коринн лежала книга в мягкой обложке – дебютный роман какой-то пакистанской писательницы. Рядом – журнал «Реал симпл» с загнутыми уголками страниц вместо закладок. Там же были запасные очки для чтения. Коринн получила не слишком строгие предписания по поводу очков и предпочитала не носить их на людях. Часы с будильником служили для подзарядки айфона. У Адама и Коринн были схожие музыкальные вкусы. Они любили Спрингстина. Посетили дюжину «живых» выступлений. Адама всегда настолько поглощала музыка, что в какой-то момент он уплывал. Коринн же оставалась сосредоточенной. Она стояла и чуть раскачивалась, не отрывая глаз от сцены.

Адам тем временем отплясывал как идиот.

Он зашел в ванную и почистил зубы. Коринн пользовалась новомодной ультразвуковой суперпопулярной электрической зубной щеткой, которая выглядела как разработка НАСА. Адам сохранял верность старым привычкам. На полочке стояла коробка от использованной краски для волос «Л'Ореаль». Адам уловил шедший от нее слабый химический запах. Должно быть, Коринн закрашивала седину перед поездкой в Атлантик-Сити. Началось все с одной седой пряди. Сперва она выдернула ее и долго рассматривала. Потом нахмурилась, отставила руку и оценила: «Текстура и цвет стальной ваты».

Зазвонил мобильник. Адам посмотрел, кто звонит, хотя и без того знал. Сплюнул зубную пасту, быстро прополоскал рот и щелкнул кнопкой ответа.

– Привет, – сказал он.

– Адам?

Конечно, это была Коринн.

– Да.

– Я тебе звонила раньше, – произнесла она, и он услышал в ее голосе панические нотки. – Почему ты не отвечал?

– Томас был за рулем. Я не хотел отвлекаться.

– О-о.

На дальнем плане звучали смех и музыка. Вероятно, она сидела в баре с коллегами.

– Как все сегодня прошло? – спросила Коринн.

– Отлично. Он в команде.

– Как Боб?

– Что значит, как Боб? Он был паяцем. Все в норме.

– Будь с ним повежливее, Адам.

– Еще чего.

– Боб хочет перевести Райана в среднюю группу, чтобы он не соперничал с Бобом-младшим. Не давай ему повода.

– Коринн?

– Да?

– Уже поздно, и у меня завтра трудный день. Поговорим при встрече.

Кто-то на заднем фоне – какой-то мужчина – разразился громким хохотом.

– Все в порядке? – спросила она.

– Отлично, – ответил он и отключился.

Адам сполоснул зубную щетку и вымыл лицо. Два года назад, когда Томасу было четырнадцать, а Райану – десять, Коринн забеременела. Это был сюрприз. С возрастом у Адама появились проблемы – уменьшилось число сперматозоидов, и контроль рождаемости практически свелся к безмолвной молитве. Конечно, с их

стороны это было безответственно. К тому моменту они с Коринн ни разу не обсуждали, будут ли заводить еще детей. Это казалось – по крайней мере, тогда – просто негласным соглашением.

Адам остановил взгляд на своем отражении в зеркале. В голове снова зазвучал знакомый голос. Он тихо сошел вниз, запустил браузер и набрал поисковый запрос: «генетический тест». Первое предложение было от «Волгринс». Адам уже собрался нажать кнопку «заказать», но передумал. Кто-нибудь мог открыть его почту. Завтра.

Адам вернулся в комнату и сел на кровать. Запах Коринн. После всех прошедших лет феромоны продолжали действовать, причем сильно – или у него разыгралось воображение.

Голос незнакомца раздался вновь:

«Не нужно было вам оставаться с ней».

Адам положил голову на подушку, поморгал, глядя в потолок, и его окутали шорохи притихшего дома.

Глава 5

Адам проснулся ровно в семь утра. У двери спальни его поджидал Райан.

– Папа?..

– Да.

– Проверь, пожалуйста, почту, посмотри, прислал ли тренер Байме результаты?

– Уже посмотрел. Ты в команде «А».

Райан не разразился восторгами. Это был не его стиль. Он кивнул и постарался скрыть улыбку.

- Можно мне пойти к Максиму после школы?

- Что вы собираетесь делать в такой прекрасный день?

- Сидеть в темноте и играть в видеоигры.

Адам нахмурился, хотя знал, что Райан подтрунивает над ним.

- Джек и Колин тоже придут. Мы будем играть в лакросс.

- Хорошо. - Адам свесил ноги с кровати. - Ты позавтракал?

- Еще нет.

- Приготовить «папины яйца»?

- Только если ты не будешь их так называть.

Адам усмехнулся:

- Договорились.

На миг Адам забыл и о прошлом вечере, и о незнакомце, и о «Новых игрульках», и о сайте по подделке беременности. Все это, как часто бывает с такими вещами, стало похоже на сон, и вот уже задаешься вопросом – не почудилось ли тебе? Конечно не почудилось. Адам знал это. Просто выставил блок. В результате ему удалось выспаться. Если Адам и видел сны, то не запомнил их. Он вообще обычно спал крепко. Это Коринн могла не ложиться и проводить ночи в тревожных метаниях. С течением времени Адам научился не беспокоиться из-за того, чего не мог контролировать, расслаблялся и отпускал ситуацию. Это умение отделять важное от неважного оказалось очень полезным. Сейчас Адам уже не мог сказать точно, было ли это способностью спускать все на тормозах или ставить блок.

Он сошел вниз и приготовил завтрак: «папины яйца» – омлет на молоке с горчицей и пармезаном. Когда Райану было шесть, он любил «папины яйца», но перерос это свое пристрастие – обычная история с маленькими детьми, – в один прекрасный день назвал их дрянью и поклялся больше не притрагиваться к этому блюду. Не так давно новый тренер сказал Райану, что нужно всегда начинать день с богатого белками завтрака, а посему «папины яйца» были вновь введены в обиход, как забытая музыка.

Наблюдая за Райаном, атакующим тарелку, будто она его обидела, Адам пытался увидеть шестилетнего сына, который уплетает то же блюдо в той же самой комнате. Образ никак не приходил.

Томаса кто-то подвозил, поэтому Райан и Адам добирались до школы в комфортной тишине, отец и сын. Они проехали магазин детских товаров, миновали школу карате Тайгера Шульмана. На углу в «мертвом» месте, какое есть в каждом городе и где, кажется, ни одно заведение никогда не работает, открылся новый «Сабвэй». В этом здании уже находились пекарня, где делали бублики, ювелирный магазин, центр по продаже матрасов и забегаловка «Блиmpi», которую Адам с трудом отличал от «Сабвэя».

– Пока, пап. Спасибо.

Райан выпрыгнул из машины без дежурного поцелуя в щеку. Когда Райан перестал его целовать? Не припомнить.

Адам проехал по Дубовой улице мимо супермаркета «Севен-илевен» и увидел аптеку «Волгринс». Он вздохнул, припарковал машину и несколько минут просидел в ней неподвижно. Мимо проковылял какой-то дед, мертвой хваткой зажав между узловатой рукой и опорной планкой ходунков аптечный пакет. Старик взглянул на Адама сердито – а может быть, он теперь всегда так смотрел на мир.

Адам зашел внутрь, взял маленькую корзинку для покупок. Дома нужны зубная паста и антибактериальное мыло, но это только ширма. В голове промелькнуло воспоминание, как в юности он скидывал в похожую емкость какие-то туалетные принадлежности, чтобы скрыть тот факт, что на самом деле ему были нужны только презервативы, которые пролежали в бумажнике неиспользованными, пока не потрескались от старости.

Генетические тесты – на стойке рядом с аптекарем. Адам приблизился к нему, стараясь, насколько это было возможно, сохранять непринужденный вид. Он посмотрел налево, посмотрел направо. Потом взял коробочку и прочел сзади:

ТРИДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ ОТЦОВ, КОТОРЫЕ ПРОХОДЯТ ЭТОТ ТЕСТ, ОБНАРУЖИВАЮТ, ЧТО РАСТЯТ НЕ СВОИХ ДЕТЕЙ.

Он положил упаковку на полку и заторопился уйти, как будто эта коробочка могла заманить его обратно. Нет. До такого он не дойдет. По крайней мере, не сегодня.

Адам принес на кассу собранное в корзинку, прихватил упаковку жвачки, расплатился. Он вырулил на шоссе номер 17, проехал мимо еще нескольких матрасных центров (откуда на севере Нью-Джерси взялось столько точек, где продают матрасы?) и оказался около спортзала. Изменив обычной практике, он покачал вес – штанги, гантели и гири. За взрослую жизнь Адам испробовал целое попури из разных тренировочных программ – йога (не на гибкость), пилатес (смешанный уровень), военные сборы в учебном лагере (почему бы просто не пойти в армию?), зумба (не спрашивайте), аквастика (едва не утоп), спин (отбил задницу), – но в конце концов неизменно возвращался к обычной тяжелой атлетике. Иногда он получал от напряжения мышц такое удовольствие, что просто не мог себе представить, как без этого жить. В другие дни его ужасала сама мысль о поднятии тяжестей и единственной вещью, которую он соглашался поднять, бывал стакан арахисово-белкового коктейля после тренировки.

Он производил знакомые движения, стараясь не забывать о необходимости финальной паузы и сжатия мышц. Это было, как он усвоил, ключом к успеху. Не нужно просто сгибать руки. Согни, удержишься на секунду, напрягая бицепс, потом разогни. Адам принял душ, сменил костюм на рабочий и отправился в свой офис на Мидланд-авеню в Парамусе. Здание было четырехэтажное, гладкое стекло и прочие архитектурные достоинства выдавали в нем типичный бизнес-центр, неотличимый от своих собратьев. Не ошибешься ни за что и за другое не примешь.

– Эй, Адам, есть минутка?

Это был Энди Гриббель, лучший помощник Адама, паралегал.[2 - Паралегал – в англоязычных странах специалист, не имеющий высшего юридического образования, который выполняет функции помощника юриста.] Когда он только начал здесь работать, все звали его Чуваком, потому что своим неряшливым видом он напоминал героя Джеффа Бриджеса. Он был старше большинства паралегалов – на самом деле и Адама, – легко мог поступить в школу права и преодолеть все барьеры, но однажды сформулировал свое отношение к проблеме так: «Это не моя ноша, приятель».

Да, он так и сказал.

– Что случилось? – спросил Адам.

– Старик Рински.

Адам, как юрист, специализировался в области принудительного отчуждения собственности – в частности, когда правительство пытается забрать землю, чтобы построить шоссе, школу или что-нибудь еще. В данном случае городская управа Кассельтона пыталась отнять дом у Рински под строительство элитного жилья. Коротко говоря, эту территорию обозначили как «нежелательную», или, в терминологии простонародья, «свалкой назвали». Некие влиятельные силы нашли застройщика, который захотел сровнять с землей все дома и построить на их месте новые – коттеджи, магазины, рестораны.

– Что с ним?

– Мы встречаемся у него.

– Хорошо.

– Может, захватить большие пушки?

Часть ядерного щита Адама.

– Пока не нужно. Что-нибудь еще?

Гриббель отклонился назад. Закинул на стол свои рабочие ботинки.

- У меня вечером выступление. Придешь?

Адам покачал головой. Энди Гриббель играл в группе, которая перепевала хиты 70-х и выступала в самых престижных притонах северной части Нью-Джерси.

- Не могу.

- Песен «Иглз» не будет. Обещаю.

- Вы никогда не играли «Иглз».

- Я не фанат, - сказал Гриббель. - Но мы впервые сыграем «Please Come to Boston». Помнишь?

- Конечно.

- Что скажешь?

- Я не фанат, - ответил Адам.

- Правда? Это душещипательная песенка. Ты ведь любишь такие.

- Она не душещипательная, - возразил Адам.

Гиббель запел: «Эй, бродяга, почему ты не осядешь где-нибудь?»

- Может быть, его девчонка достала, - предположил Адам. - Парень просит ее поехать с ним в другой город. А она заладила «нет» да «нет», а потом начинает ныть, что он сидит в Теннесси.

- Это потому, что она главная фанатка парня из Теннесси.

- Может, ему не нужны фанаты. Может, он предпочел бы иметь спутницу жизни или любовницу.

Гриббель огладил рукой бороду.

- Я вижу, к чему ты клонишь.

- Он ведь всего-то и сказал ей: «Проведем весну в Бостоне». Весну. Он не просит ее уехать из Теннесси навсегда. А она что отвечает? Она говорит: «Нет, приятель». И что это за отношение? Никаких объяснений, ни попытки понять его - просто «нет». Тогда он мягко предлагает ей Денвер или даже Лос-Анджелес. Тот же ответ. Нет, нет, нет. То есть расправь крылья, сестренка. Поживи немного.

Гриббель усмехнулся:

- Ты чокнутый, приятель.

- И потом, - продолжил Адам, чувствуя, что его понесло, - она заявляет, что, мол, в этих больших городах - Бостоне, Денвере, Лос-Анджелесе - нет никого похожего на нее. Какое самомнение, а?

- Адам?

- Что?

- Ты, кажется, наворотил лишнего, брат мой.

Адам кивнул:

- Верно.

- Ты любишь перемудрить, Адам.

- Так и есть.

- И потому ты - лучший адвокат, какого я знаю.

- Спасибо, - сказал Адам. - И нет, ты не уйдешь с работы раньше из-за своего выступления.

- Да ладно. Не будь таким.

- Прости.

- Адам?

- Что?

- Парень в той песне. Бродяга, который просит ее отправиться с ним в Бостон.

- Ну?

- Ты должен отдать справедливость девушке.

- Это как?

- Парень говорит, что она сможет продавать свои картины на тротуаре у кафе, где он надеется получить работу. - Гриббель развел руками. - И что это за финансовое планирование?

- Туше?, - признал Адам с легкой улыбкой. - Может, им вообще лучше расстаться.

- Не-е. Между ними есть что-то хорошее. Это слышно по его голосу.

Адам пожал плечами и направился в свой кабинет. Приступ красноречия приятно отвлек от забот. Теперь он снова заперся в собственной голове. Скверное место. Адам сделал несколько звонков, встретился с парой клиентов, проконсультировал паралагалов, удостоверился, что инструкции выполняются. Мир движется дальше. Возмутительно. Адам осознал это, когда ему было четырнадцать и его отец внезапно умер от сердечного приступа. Мальчик сидел рядом с матерью в большой черной машине, смотрел в окно и видел, что все остальные люди продолжают жить своей жизнью. Дети ходят в школу. Родители - на работу. Машины сигналият. Солнце все так же светит. Его отец умер. И

ничего не изменилось.

Сегодня ему снова пришлось вспомнить об очевидном: миру нет никакого дела до нас и наших мелких и крупных проблем. Мы этого так и не понимаем. В нашей жизни происходят потрясения – разве остальные люди не должны хоть что-то заметить? Но нет. Для окружающих Адам выглядел таким же, как прежде: вел себя так же, чувствовал то же самое. Мы злимся, если кто-то подрезает нас на дороге, слишком долго делает заказ в «Старбаксе» или не отвечает так, как мы ожидаем, и мы не представляем, что в душе эти люди, возможно, имеют дело с проблемами промышленного масштаба. Возможно, их жизнь рассыпается на кусочки. Может статься, они переживают какую-нибудь неизмеримую трагедию, а их существование в границах разума висит на волоске.

Но нас это не заботит. Мы не видим. Просто продолжаем переть напролом.

По пути домой Адам переключал радиостанции, пока наконец не остановился на каком-то канале, где шли бестолковые дебаты о спорте. Мир – арена распри и борьбы; слушать людей, которые бьются за нечто настолько бессмысленное, как профессиональный баскетбол, было приятно.

Адам доехал до дома и был немного удивлен, заметив на подъездной дорожке принадлежавшую Коринн «хонду-одиссей». Продавец без тени эмоций на лице называл цвет машины «темно-вишневая жемчужина». К задней багажной дверце была прикреплена овальная наклейка с названием их города, написанным черными буквами, – по-видимому, престижная татуировка для автомобильного племени, принятая в современной провинции. Там же красовался круглый стикер с перекрещенными палками для игры в лакросс и надписью «Пантера лакросса», талисман города, и еще один с огромной буквой W, обозначающей среднюю школу «Уиллард», где учился Райан.

Коринн вернулась домой из Атлантик-Сити раньше, чем ожидалось.

Это нарушило планы Адама. Весь день он прокручивал в голове варианты грядущего непростого разговора, часами ходил по кругу, опробовал несколько разных подходов, но ни один не показался ему единственно верным. Адам понимал, строить планы бессмысленно. Заговорить о том, что рассказал ему незнакомец, – поставить Коринн перед фактами, которые он теперь считал неопровержимыми, – это все равно что вырвать чеку из гранаты (расхожее

сравнение). Невозможно предугадать реакцию.

Будет ли она отпираться?

Может быть. Пока еще сохранялась вероятность невинного объяснения всей истории. Адам старался оставаться человеком широких взглядов, хотя его чувства больше походили на призрачную надежду, чем на соображения из разряда «не суди сгоряча». Он припарковался рядом с «хондой» жены. У них был гараж на две машины, однако в нем поселились старая мебель, спортивный инвентарь и прочие атрибуты эпохи избыточного потребления. Поэтому они с Коринн оставляли своих «коней» на подъездной дорожке.

Адам вышел из машины и двинулся к дому. На газоне было чуть больше коричневатых проплешин, чем хотелось. Коринн обязательно заметит и начнет причитать по этому поводу. Ей трудно просто наслаждаться жизнью и относиться к таким мелочам спокойно. Нет, она будет все исправлять и делать как нужно. Адам считал себя человеком, который живет сам и дает жить другим, но окружающие могли принять такое отношение за банальную лень. У их соседей – семейства Бауэр – газон выглядел так, будто на нем вот-вот начнутся соревнования профессионалов по игре в гольф. Коринн не могла удержаться от сравнений. Адаму было плевать.

Открылась входная дверь. Вышел Томас со спортивной сумкой на плече, одетый в «выездную» форму. Он улыбнулся отцу; во рту свободно гуляла капа. По груди Адама разлилось знакомое тепло.

– Привет, пап.

– Привет, что случилось?

– У меня игра, помнишь?

Вполне понятно, что Адам действительно забыл, хотя это объясняло, отчего Коринн постаралась вернуться домой раньше.

– Правильно. С кем играете?

- «Глен рок». Мама меня отвезет. Ты придешь попозже?

- Конечно.

Когда в дверях появилась Коринн, у Адама душа ушла в пятки. Жена все еще оставалась красавицей. Если Адам испытывал трудности с тем, чтобы представить себе, как выглядели его дети, когда были младше, то в случае с Коринн творилось нечто почти обратное. Он продолжал видеть ее двадцатитрехлетней сногшибательной красоткой, в которую влюбился. Конечно, если вглядеться с пристрастием, угадывались и морщинки вокруг глаз, и некоторое возрастное округление форм, но Адам не замечал, что жена стареет, - не то это была любовь, не то он видел ее каждый день, и потому изменения происходили постепенно и незаметно.

Волосы Коринн были влажными после душа.

- Привет, дорогой.

Он стоял столбом.

- Привет.

Она поцеловала его в щеку. Ее волосы восхитительно пахли сиренью.

- Ты сможешь забрать Райана?

- А где он?

- Играет у Макса.

Томас поморщился:

- Не говори так, мам.

- Как?

– Играет. Он в средней школе. Это шестилетки играют.

Коринн вздохнула, но с улыбкой:

– Хорошо, пусть будет так: он на собрании у Макса. – Она перевела взгляд на Адама. – Ты заберешь его перед тем, как придешь на игру?

Адам поймал себя на том, что кивает, хотя не испытывал желания выполнить просьбу Коринн.

– Конечно. Мы присоединимся к тебе на игре. Как было в Атлантик-Сити?

– Прекрасно.

– Эй! – вмешался Томас. – Может, потом поболтаете? Тренер бесится, если мы не приезжаем хотя бы за час до начала игры.

– Точно, – подтвердил Адам. Потом, обернувшись к Коринн, он попытался сделать вид, что все в порядке. – Мы... поболтаем потом.

Однако Коринн задержалась с ответом на полсекунды, а это немало.

– Хорошо, нет проблем.

Адам стоял на ступеньке и следил за тем, как жена и сын идут по дорожке. Коринн нажала кнопку на пульте, и задняя дверца минивэна открылась зевком гигантской пасти. Томас кинул внутрь сумку и забрался на переднее пассажирское сиденье. Пасть закрылась, проглотив все снаряжение. Коринн махнула мужу. Он поднял руку в ответ.

Они познакомились в Атланте во время пятинедельного тренинга перед вступлением в «Литворлд» – благотворительную организацию, которая посылает учителей в далекие края обучать людей грамоте. Это было до наступления тех времен, когда каждый ребенок ездил в Замбию, чтобы построить там хижину и описать это деяние в анкете при поступлении в колледж. Надо сказать, что все волонтеры уже имели законченное образование. Они были искренни, иногда даже чересчур, но душевно настроены правильно.

Их встреча произошла не в кампусе Университета Эмори, где они занимались, а в соседнем баре. Студенты старше двадцати одного могли там мирно выпить и пофлиртовать под скверное кантри. Она была в компании своих подружек, он – с ребятами. Адам искал себе подругу на ночь. Коринн рассчитывала на большее. Группы сходились медленно, юноши подходили к девушкам, как в хорошо отрепетированном танце из дешевого фильма. Адам предложил Коринн угостить ее каким-нибудь напитком. Она согласилась и добавила, что это ничего ему не даст. Он все равно купил ей выпивку, сопроводив это на удивление мудрым замечанием: мол, вечер только начинается.

Принесли напитки. Завязался разговор. Все шло хорошо. Где-то ближе к ночи, незадолго до закрытия заведения, Коринн сообщила, что рано потеряла отца, и тогда Адам, который никогда ни с кем об этом не говорил, изложил ей историю смерти своего родителя и завершил рассказ упоминанием о том, как миру не было дела до его горя.

Их объединили семейные трагедии. С этого все и началось.

Когда они только поженились, то жили в тихой квартирке рядом с 78-м шоссе, соединявшим соседние штаты. Адам пытался помогать людям, работая в качестве государственного защитника. Коринн преподавала в самых неприветливых окрестностях Ньюарка, Нью-Джерси. Потом родился Томас, и настала пора перебираться в более приличный дом. Это казалось само собой разумеющимся. Адама не слишком волновало, где они будут жить. Какая разница, будет ли их дом временным пристанищем или более классическим вариантом, как нынешний. Он хотел видеть Коринн счастливой, причем не столько потому, что был таким уж молодцом, сколько потому, что место жительства не имело для него большого значения. И тогда Коринн по очевидным причинам выбрала этот город.

Может быть, ему уже тогда следовало притормозить ее, но, будучи человеком молодым, он как-то не видел в этом смысла. Он позволил ей выбрать дом, потому что она хотела жить именно в таком. Город. Дом. Гараж. Машины. Сыновья.

А чего хотел Адам?

Он не знал, но этот дом – в таком районе – вызвал напряжение в сфере семейных финансов. Кончилось тем, что Адам перестал работать государственным

адвокатом и занял должность с более высоким окладом в юридической фирме «Бечманн, Симпсон и Фиглс». Это не было пределом его мечтаний – ровный, хорошо вымощенный путь, на который рано или поздно вступает мужчина вроде него: спокойное место, где вырастут дети, милый домик с четырьмя спальнями, гараж на две машины, газовый гриль на дощатой террасе с видом на задний двор.

Премило, не так ли?

Трипп Эванс с затаенной тоской назвал это «проживать мечту». Американскую мечту. Коринн ему бы поддакнула.

«Не нужно было вам с ней оставаться...»

Конечно, это неправда. Мечты сотканы из тончайшей, бесценной материи. Нельзя разрушать их походя. Какая неблагодарность, какой эгоизм, какая глупость не понимать, что ты – счастливчик, баловень судьбы.

Адам открыл дверь и прошел на кухню. Стол завален чем ни попадя: домашнее задание по ранней американской истории явно довело кого-то до изнеможения; Томасов учебник алгебры открыт на задаче выделить полный квадрат в квадратичной функции f , заданной выражением $f(x) = 2x^2 - 6x + 4$; под корешок книги засунут карандаш второй твердости; повсюду обрывки миллиметровой бумаги – несколько упало на пол.

Адам нагнулся, поднял их и вернул на стол. Мгновение он смотрел на эту домашнюю работу.

«Действуй осторожно», – напомнил себе Адам. На кону стояли не только его и Коринн мечты.

Глава 6

Игра Томаса только началась, когда приехали Адам с Райаном.

Тихо шепнув: «Пока, пап», Райан немедленно смылся и примкнул к компании младших братьев игроков, чтобы не быть замеченным в обществе реальных живых родителей. Адам прошел на левую сторону поля, в сектор «выездной» команды, где должны были находиться другие седарфилдские папаши и мамыши. Металлических скамеек не было, но некоторые зрители принесли складные стулья, обеспечив себе место для сидения. У Коринн в минивэне лежали четыре сетчатых кресла с выемками для стаканов на обоих подлокотниках (зачем их две на одном кресле?) и тентом. Однако в большинстве случаев – как сейчас, например, – Коринн предпочитала стоять. Рядом с ней была Кристин Хой, одетая в топ без рукавов и такие короткие шорты, что дело явно не обошлось без детских ссор с отцом.

Подходя к жене, Адам кивнул нескольким родителям. В углу стоял Трипп Эванс в компании с другими папашами: все в темных очках и со скрещенными на груди руками, они больше походили на сотрудников секретных служб, чем на зрителей. Справа маячил ухмыляющийся Гастон со своим кузенком Дезом (да, именно так все его и называли), хозяином «CBW Inc.» – высококлассной компании, которая специализировалась на проверке биографий соискателей разных вакансий. Кроме того, кузен Дез не так тщательно, но все же изучал карьерные истории тренеров на предмет отсутствия судимостей и других порочащих репутацию фактов. Гастон настаивал, чтобы оргкомитет лиги лакросса привлекал дорогостоящую «CBW Inc.» к выполнению этой с виду несложной задачи, хотя ее можно было решить гораздо дешевле с помощью Интернета. Но для чего же еще нужны родственники?

Коринн заметила приближение Адама и отошла от Кристин на несколько шагов. Когда муж подошел, она панически прошептала:

– Томаса нет в стартовом составе!

– Тренер всегда меняет местами линии, – сказал Адам. – Я бы не стал волноваться.

Но Коринн волновалась.

– Вместо него вышел Пит Байме. – Сын Гастона. Это объясняло ухмылку последнего. – Он еще не оправился от сотрясения. Как можно выставлять его на поле?

– Коринн, я похож на врача?

– Давай, Тони! – закричала какая-то женщина. – Пробивайся!

Адаму не нужно было объяснять, что голос подала мать Тони. Иначе и быть не могло. Когда отец или мать подбадривают свое чадо, это всегда слышно. В голосах звучат сиплое разочарование и недовольство. Никто из родителей не понимает, что их вопли выдают именно такие эмоции. Мы все это слышим, но думаем, что только другие родители таковы, а мы сами каким-то чудом избавлены от этой заразы.

Тут очень кстати вспомнить хорватскую поговорку, которую Адам выучил в колледже: «Горбун видит чужие горбы, а свой – никогда».

Прошло три минуты. Томас так и не вступил в игру. Адам искоса посмотрел на Коринн: челюсти сомкнуты, взгляд устремлен на край поля, на тренера, как будто хочет гипнозом заставить его впустить Томаса в игру.

– Все будет хорошо, – сказал Адам.

– Он к этому времени всегда в игре. Как ты думаешь, что случилось?

– Я не знаю.

– Пит вообще не должен играть.

Адам не стал отвечать. Пит поймал мяч и бросил его партнеру по команде самым обычным образом. С другой стороны поля раздался голос Гастона:

– Вау, адский бросок, Пит! – И они с кузеном Дезом соударились ладонями.

– Разве взрослый мужчина назовет себя Дезом? – буркнул Адам.

– Что?

– Ничего.

Коринн закусила губу.

- Наверное, мы опоздали на пару минут. Явились за сорок пять минут до игры, а тренер велел быть за час.

- Сомневаюсь, что причина в этом.

- Надо было выехать раньше.

Адаму захотелось сказать, что у них есть проблемы поважнее, и, может быть, сейчас это помогло бы отвлечься. Команда противника набирала очки. Родители стонали и обсуждали ситуацию: что делали не так защитники, из-за чего пропущен гол.

На поле выбежал Томас.

Адам почувствовал, как от жены волнами изошло облегчение. Лицо Коринн смягчилось. Она улыбнулась и спросила:

- Как дела на работе?

- Теперь тебе интересно?

- Прости. Ты знаешь, как я к этому отношусь.

- Знаю.

- Поэтому ты меня типа и любишь.

- Типа того.

- И еще, - сказала она, - за мою задницу.

- Да ты разошлась.

- У меня и сейчас еще отличная задница, правда?

– Мирового класса, на высший балл, стопроцентный филей, без наполнителей.

– Ну, – сказала она с лукавой улыбкой, которой одаривала его крайне редко. – Может, один наполнитель и есть.

Боже, он любил эти редчайшие моменты, когда жена расслаблялась и даже становилась чуть порочной. На долю секунды он забыл о незнакомце. На долю секунды, не больше. «Почему сейчас?» – удивился Адам. Коринн отпускала такие шуточки два-три раза в год. Почему сейчас?

Он покосился на нее. Коринн надела гвоздики с бриллиантами, которые он купил ей в магазинчике на Сорок седьмой улице. Адам подарил их жене на пятнадцатую годовщину в китайском ресторане «Бамбуковый дом». Первоначально у него была мысль как-нибудь исхитриться и засунуть сережки в печенье с предсказаниями. Коринн любила вскрывать его, но не есть. Однако идею реализовать не удалось. В конце концов официант просто принес ей гвоздики на тарелке, накрытой металлической крышкой. Банально, избито, неоригинально, и Коринн это понравилось. Она заплакала, обхватила Адама руками и сжала крепко-крепко; он даже задумался: обнимали ли так хоть раз какого-нибудь еще мужчину на свете?

С тех пор Коринн снимала гвоздики только на ночь да еще когда плавала в бассейне – боялась, что хлорка разъест оправу. Другие сережки лежали без употребления в шкатулке для украшений, запертой в шкафу, как будто надеть их вместо юбилейных бриллиантовых было бы своего рода предательством. Они для нее что-то значили – явились символом свершения надежд, любви, почета и уважения, и, право слово, разве такая женщина может симулировать беременность?

Коринн смотрела на поле. Мячом владели нападающие, в этой линии сейчас играл и Томас. Адам чувствовал, как жена застывает всякий раз, когда мяч оказывается поблизости от сына.

Потом Томас сыграл очень удачно: снял мяч прямо с палки защитника, подобрал его и направил к цели.

Мы притворяемся, что это не так, но на самом деле следим только за своим ребенком. Когда Адам был молодым отцом, он находил эту родительскую сосредоточенность на родном чаде даже досадной. Вы идете на спортивную игру, на концерт или куда-то там еще и, конечно, смотрите на всех и вся, но видите только собственное дитя. Все и вся прочие становятся фоновым шумом, задним планом картины. Вы смотрите на своего ребенка, и вам кажется, будто на него направлены огни софитов, только на него, а оставшаяся часть сцены, поля или площадки затенена, и вы чувствуете тепло – такое же, что ощущал в груди Адам, когда сын ему улыбался. Даже находясь в окружении других родителей и других детей, Адам ясно сознавал, что каждый отец и каждая мать испытывают то же самое – у каждого родителя свой софит, направленный на своего ребенка, и есть в этом что-то утешительное, и так и должно быть.

Теперь сосредоточенность на ребенке не вызвала прилива высоких чувств. Эта концентрация всего внимания на одной фигуре воспринималась уже не как проявление любви, а скорее как одержимость, ибо лупа для изучения лишь одного предмета – это нездорово, бездумно и даже разрушительно.

Томас побежал отдыхать и бросил мяч Полу Уильямсу. Терри Зобель был открыт и мог забить, но не успел сделать бросок – судья дунул в свисток и поднял желтый флаг. Фредди Фриднаш, игрок середины поля из команды Томаса, был удален на одну минуту за опасную игру клюшкой. Собравшиеся в уголке отцы впали в коллективную истерику: «Ты что, шутки шутишь, судья?», «Рассвистелся!», «Ты, наверно, слепой!», «Облажался!», «Наказывай тогда обоих!».

Тренеры подхватили волну и тоже включились. Даже Фредди, который трусил по полю, замедлил шаг и покачал головой, глядя на рефери. Другие родители присоединились к хору жалобщиков. Стадное чувство в действии.

– Ты видел удар? – спросила Коринн.

– Я туда не смотрел.

Подошла Бекки Эванс, жена Триппа.

– Привет, Адам. Привет, Коринн.

Из-за удаления мяч сейчас находился в зоне защиты, далеко от Томаса, а потому оба они оглянулись и обменялись с Бекки улыбками. Бекки Эванс, мать пятерых детей, была почти сверхъестественно бодра и весела, она всегда улыбалась и говорила всем добрые слова. Адам с подозрением относился к таким людям. Ему нравилось заставлять этих счастливых мамаш в те моменты, когда они бывали безоружны и улыбка сходила с их лиц или становилась деревянной. Как правило, ему это удавалось, но не с Бекки. Ее постоянно можно было видеть развозящей детей по разным местам в «додже дуранго»: улыбка сияет, заднее сиденье загружено детьми и всякими причиндалами. Большая часть материнского распорядка дня растрачивалась на повседневные заботы, но сама Бекки, казалось, питалась этим и только набирала силу.

- Привет, Бекки, - отозвалась Коринн.

- Скажи, отличная погода для игры?

- Конечно, - подтвердил Адам. А что тут еще скажешь?

Снова прозвучал свисток - очередное нарушение, связанное с опасной игрой клюшкой, - в пользу команды соперников. Отцы опять впали в неистовство и даже начали выражаться. Адам нахмурился, не одобряя их поведение, но ничего не сказал. Включался ли он таким образом в решение проблемы? Он удивился, заметив, что возглавляет бунтующих насмешников очкарик Кэл Готтсман. Кэл, сын которого Эрик быстро прогрессирует в роли защитника, работал страховым агентом в Парсиппани. Адам всегда считал его воспитанным человеком с приятными манерами, хотя немного туповатым и склонным поучать других. Однако недавно заметил, что поведение Кэла Готтсмана становится все более странным и эти изменения находятся в прямой зависимости от успехов сына. За последний год Эрик подрос на шесть дюймов и теперь играл защитником в стартовом составе. Кэл был окружен шумным вниманием коллег, и нередко можно было видеть, как он меряет шагами кромку поля и разговаривает сам с собой, хотя раньше вел себя за боковой крайне сдержанно.

Бекки придвинулась ближе:

- Вы слышали о Ричарде Фи?

Ричард Фи был вратарем.

– Его отправили в бостонский колледж.

– Но он же первый год в школе, – сказала Коринн.

– Я знаю. Не начнут ли они отбирать их, едва выйдут из чрева?

– Это странно, – согласилась Коринн. – Откуда им знать, каким он будет студентом? Он только что поступил в старшую школу.

Бекки и Коринн продолжили разговор, но Адам уже отключился и не слушал их. Женщины, похоже, не обратили на это внимания, и Адам охотно посчитал, что ему дозволяется покинуть двух леди и, может быть, остаться ненадолго наедине с собой. Он клюнул Бекки в щеку и отправился восвояси. Бекки и Коринн были знакомы с детства. Обе они родились в Седарфилде. Бекки никогда не уезжала из города.

Коринн повезло меньше.

Адам решил выкроить себе местечко на половине пути между группами матерей и отцов. Он оглядел компанию папаш. Трипп Эванс поймал его взгляд и с понимающим видом кивнул. Трипп, может быть, и сам не хотел тереться в этой толпе, но он был заводилой. «Местная знаменитость, – подумал Адам. – Вот и трудись».

Когда рожок протрубил окончание первой четверти, Адам посмотрел на жену. Она продолжала болтать с Бекки, обе выглядели оживленными. Адам задержал на них взгляд лишь на мгновение – потерянный, испуганный. Он слишком хорошо знал Коринн. Он знал о ней все. И парадокс, но из-за того, что он так хорошо ее знал, в словах незнакомца ему слышался отзвук правды.

Как мы будем защищать свою семью?

Протрубил рожок. Игроки вышли на поле. Каждый родитель встрепенулся и проверил, появился ли в игре его ребенок. Томас появился. Бекки продолжала разговор. Коринн притихла, молча кивала, но в центре ее внимания находился Томас. У Коринн с фокусировкой все было отлично. Поначалу Адаму нравилась в жене эта черта. Она знала, чего хочет от жизни, и направляла лазерный луч

внимания на те цели, которые помогали достичь желаемого. Когда они познакомились, у Адама были неопределенные планы на будущее – что-то вроде работы на благо униженных и оскорбленных, – но он не представлял, где хочет обосноваться, какой образ жизни предпочесть, во что превратить свое существование и как завести семью. Все это виделось далеким и расплывчатым, и вдруг резким контрастом на его пути появляется женщина – импозантная, красивая, умная, которая точно знает, что им делать.

В сложившихся обстоятельствах это освобождало от многих проблем.

Именно в тот момент, когда Адам дошел до осмысления решений (или отсутствия таковых), которые привели его в день сегодняшний, Томас получил мяч, сделал обманное движение в центре поля, ушел вправо, отвел клюшку назад, размахнулся и прекрасным низким ударом отправил мяч прямо в угол.

Гол.

Матери и отцы взревели от восторга. Томаса окружили и поздравляли товарищи по команде, дружески хлопая по шлему. Сын стоял спокойно, следуя старинному совету: «Веди себя так, будто иначе и быть не могло». Но даже с большого расстояния, даже за маской и капой, Адам видел, что Томас, его старший сын, улыбается, что он счастлив, и понимал: это его, Адама, как отца задача первостепенной важности – сделать так, чтобы этот мальчик и его брат продолжали радостно и беззаботно улыбаться.

На что он ради этого пойдет?

На что угодно.

Однако от ваших действий и готовности к самопожертвованию зависит не все. В жизни есть место и удаче, и случайному стечению обстоятельств, и хаосу. Адам, конечно, будет делать все возможное для защиты своих детей. Но в то же время он откуда-то знал, причем с абсолютной уверенностью, что этого не хватит; что удача, случай и хаос имеют свои планы; что счастье и благополучие скоро растворятся в тихом весеннем воздухе.

Глава 7

К концу игры Томас забил два гола, чем обеспечил команде победу меньше чем за двадцать секунд до финального свистка.

В циничном отношении Адама к чрезмерному увлечению спортом была доля лицемерия: несмотря ни на что, когда Томас забил последний гол, Адам подпрыгнул, сжал руку в кулак и выкрикнул: «Да!» Нравится ему это или нет, но он почувствовал прилив чистой, неразбавленной радости. Эту радость порождало понимание того, что сын еще более счастлив, и вполне естественно и нормально для отца иметь такие чувства при успехах своего ребенка. Адам напомнил себе, что он не из тех родителей, которые живут исключительно жизнью своих детей или смотрят на лакросс как на пропуск в хороший колледж. Он любил лакросс по одной простой причине: его сыновьям нравилось играть в эту игру.

Но родители чего только себе не наговорят. Вспомним хорватского горбуна.

По окончании игры Коринн отвезла Райана домой на своей машине. Она собиралась приготовить ужин. Адам ждал Томаса на парковке у старшей школы Седарфилда. Было бы, конечно, проще забрать его сразу после игры, но существовали правила страхования, согласно которым детей должны были возвращать в школу на принадлежавшем команде автобусе. Поэтому Адам поехал вслед за ним в Седарфилд и вместе с другими родителями дождался, пока дети выгрузятся. Он вылез из машины и подошел к заднему входу в школу.

– Эй, Адам.

К нему приблизился Кэл Готтсман. Адам поздоровался. Отцы пожали друг другу руки.

– Мощная победа, – начал Кэл.

– А то.

– Томас играл чертовски здорово.

- И Эрик тоже.

Очки никогда не сидели на носу у Кэла как надо, вечно съезжали вниз, и Кэл был вынужден постоянно подталкивать их обратно указательным пальцем, но они тут же пускались в новое носовое странствие.

- Вы, кажется, чем-то расстроены.

- Простите?

- Во время игры, - пояснил Кэл. У него был своеобразный голос: с таким, что ни скажешь, получается жалобный скулеж. - Вы выглядели, не знаю, как это описать... озабоченным, что ли.

- Правда?

- Да. - Кэл подтолкнул очки кверху. - Я даже заметил в вашем выражении, как бы это лучше выразить... отвращение, что ли, да.

- Я не вполне понимаю, что...

- Когда я поправлял рефери.

«Поправлял», - язвительно подумал Адам. Но ему не хотелось вдаваться в подробности.

- Я даже не заметил.

- А должны были. Судья собирался свистнуть Томасу кросс-чек, когда тот получил мяч в зоне X.

Адам поморщился:

- Я не понимаю.

– Я нарочно наехал на судью, – пояснил Кэл заговорщицким тоном. – Вы должны были оценить. Сегодня это пошло на пользу вашему сыну.

– Верно, – сказал Адам. Потом его вдруг заело: кто, черт возьми, этот мужик, чтобы подходить к нему с подобными разговорами? И он добавил: – А зачем мы подписывали спортивный кодекс чести в начале сезона?

– Какой?

– А тот, в котором обещали не оскорблять ни игроков, ни тренеров, ни судей, – пояснил Адам. – Тот самый.

– Как вы наивны, – ответил Кэл. – Вы знаете, кто такой Московиц?

– Он живет на Спенсер-плейс? Торгует облигациями?

– Нет, нет, – отозвался Кэл, нетерпеливо прищелкнув пальцами. – Профессор Тобиас Московиц из Чикагского университета.

– О нет.

– Пятьдесят семь процентов.

– Что?

– Исследования показывают, что команды выигрывают домашние матчи в пятидесяти семи процентах случаев, что мы и называем преимуществами домашнего поля.

– И что?

– А то, что домашнее преимущество – это реальность. Оно существует. Во всех видах спорта, во все времена и везде в мире. Профессор Московиц утверждает, что это явление наблюдается с завидным постоянством.

Адам повторил свое:

– И что?

– Наверно, вы слышали множество разумных объяснений этого преимущества. Усталость от дороги – гостевой команде приходится ехать на автобусе, лететь или добираться каким-то иным способом. Или, может быть, вы слышали о знакомстве с игровым полем. Или о том, что одни команды привычны к холодной погоде, а другие – к теплой...

– Мы живем в соседних городах, – заметил Адам.

– Да, точно, и это только подтверждает мои слова.

Адам был не в настроении трепаться. Где же Томас?

– Итак, – продолжил Кэл, – вы знаете, что обнаружил Московиц?

– Простите?

– Как вы думаете, Адам, чем объясняется преимущество домашнего поля?

– Я не знаю, – сказал Адам. – Может, поддержкой зрителей.

Кэлу Готтсману явно понравился этот ответ.

– Да. И нет.

Адам старался удержаться от вздоха.

– Профессор Московиц и другие ему подобные провели исследования преимуществ выступления на домашнем поле. Они не утверждают, что такие вещи, как усталость от переезда, не являются действующими факторами, но эти теории подкреплены слишком слабо – всего несколько анекдотических случаев. Нет, факт налицо: только одна причина преимущества выступления на своем поле имеет твердые, разумные объяснения. – Кэл поднял указательный палец на случай, если Адам не в курсе, что значит «одна». Потом, чтобы не показаться слишком мягким, он добавил: – Только одна.

– И в чем она?

Кэл спрятал палец в кулак.

– В предвзятости судей. И все. Домашняя команда получает больше свистков в свою пользу.

– То есть вы утверждаете, что игру делают судьи?

– Нет-нет. Смотрите, это ключ к исследованию. Арбитры не то чтобы намеренно подыгрывают команде хозяев. Тенденциозность в судействе почти неосознанна. Она имеет отношение к социальному приспособленчеству. – Теперь завязки шляпы ученого были крепко затянуты под челюстью Кэла. – Если коротко, то мы все хотим нравиться. Судьи, как и все люди, социальные существа, они впитывают эмоциональный настрой зрителей и при всяком удобном случае дают свисток, который порадует толпу. Вы когда-нибудь смотрели баскетбольный матч? Тренеры обрабатывают судей, потому что лучше всех понимают человеческую натуру. Понимаете?

Адам медленно кивнул:

– Да.

– В том-то и дело, Адам. – Кэл развел руками. – Суть домашнего преимущества – в человеческом желании не идти наперекор и вызывать симпатии.

– И поэтому вы кричите на судей...

– На выездных матчах, – перебил его Кэл. – Я считаю, что дома нужно использовать свои преимущества. А на выездных матчах, конечно, говоря по-научному, это необходимо для поддержания баланса. Если просто стоять молча, можно навредить самим себе.

Адам посмотрел в сторону.

– Что?

- Ничего.

- Нет, вы скажите. Вы же адвокат? Постоянно участвуете в противоборствах.

- Да, участвую.

- И делаете все, что в ваших силах, чтобы воздействовать на судью или защитника противоположной стороны.

- Да.

- И что?

- Ничего. Я вас понял.

- Но вы со мной не согласны.

- Мне правда совсем не хочется вступать в дискуссию.

- Но ситуация предельно ясная.

- Ясная.

- Так в чем же дело?

Адам поколебался, но потом решил, что почему бы и нет.

- Это всего лишь игра, Кэл. Домашнее преимущество – ее составляющая. Потому-то часть матчей и играется дома, а часть – на выезде. Так соблюдается баланс. По-моему – и это мое сугубо личное мнение, – вы защищаете нечестное поведение. Лучше просто оставить все как есть – неправильные свистки и прочее. Для ребят это будет лучшим уроком, чем освистывание судьи. И если мы проиграем еще одну или две игры за год, в чем я сомневаюсь, то это невысокая цена за соблюдение приличий и достоинство. Вам так не кажется?

Кэл Готтсман начал обрабатывать полученную информацию, когда из раздевалки вышел Томас. Адам протянул руку и сказал:

– Не беда, Кэл, это всего лишь мое мнение. Извините меня, лады?

Адам заторопился к машине, следя краем глаза, как сын пересекает поле. Походка становится особенной, когда человек удовлетворен победой. Томас держался прямее, шаг был пружинистый, лицо чуть не светилось. Адам знал, что он не хочет предаваться торжеству, пока не окажется в машине. Томас помахал рукой нескольким приятелям, тонкий политик. Райан держался в тени, а вот его брат вполне мог стать мэром этого городка.

Томас забросил спортивную сумку на заднее сиденье. Резкий запах пропотевших «доспехов» пошел в газовую атаку. Адам опустил стекла. Это немного облегчило положение, но недостаточно, особенно после игры в жаркую погоду. Томас дождался, пока они отъедут на квартал от школы, и только тогда позволил себе засиять.

– Ты видел первый гол?

Адам ухмыльнулся:

– Так себе.

– Да. Только во второй раз я ударил слева.

– Это был хороший ход. И победитель тоже мил.

Некоторое время они продолжали в том же духе. Вроде бы хвастовство, но на самом деле нечто совершенно противоположное. С товарищами по команде и тренерами Томас вел себя скромно и сдержанно. Он всегда отдавал должное другим – игроку, который сделал пас, или тому, кто перехватил мяч, – и очень смущался, когда становился центром внимания на спортивной площадке.

Но в кругу семьи Томас чувствовал себя комфортно и давал волю эмоциям. Он любил обсуждать детали игры: не только свои голы, но всю игру – что сказали другие ребята, кто проявил себя хорошо, кто плохо. Дом был для этого

безопасной гаванью – семейной цитаделью чести, если хотите. Как бы банально это ни звучало, именно такой должна быть семья. Томас говорил свободно, ему не нужно было беспокоиться, не выглядит ли он хвастуном, задавакой или еще кем в том же роде.

Едва Томас переступил порог, Коринн крикнула:

– Он дома!

Герой дня небрежно скинул мятую сумку с плеча и оставил ее в прихожей. Позволил матери обнять себя.

– Отличная игра, дорогой.

– Спасибо.

Райан поднял руку, чтобы поздравить брата, и они стукнулись кулаками.

– Что на ужин? – спросил Томас.

– В гриле жарятся маринованные стейки-юбочки.

– О да.

Стейки Томас любил. Не желая никому портить настроение, Адам дежурно поцеловал жену. Все умылись. Райан накрыл на стол, что означало – Томас будет убирать. На столе стояла вода для всех, для взрослых Коринн налила два бокала вина, а еду выставила на кухонный островок. Каждый взял тарелку и положил себе то, что хотел.

Это был до боли обычный, хотя и приготовленный с любовью семейный ужин, но Адама не покидало ощущение, что под столом тикает бомба. Теперь это был только вопрос времени. Ужин закончится, и мальчики займутся уроками или станут смотреть телевизор, а может, сядут за компьютер или включат видеоигру. Подождет ли он, пока Томас и Райан улягутся спать? Возможно, так и будет. Если не учитывать тот факт, что в последние год или два то он, то Коринн ложились раньше Томаса. Так что Адаму придется отправить старшего сына в

его комнату и проследить, чтобы тот закрыл за собой дверь. И только после этого он предъявит жене то, что узнал.

Тик, тик, тик...

Весь ужин Томас удерживал всеобщее внимание. Райан увлеченно слушал. Коринн рассказала, как в Атлантик-Сити один учитель напился и его стошнило в казино. Мальчишкам понравилось.

- Ты выиграла сколько-нибудь? - спросил Томас.

- Я никогда не играю в азартные игры, - ответила Коринн, - и тебе тоже не следует этого делать.

Сыновья вылупили глаза.

- Я серьезно. Это ужасный грех.

Теперь оба мальчика качали головой.

- Что?

- Ты иногда такая нудная, - сказал Томас.

- Я не нудная.

- Всегда, когда читаешь нотации, - со смехом добавил Райан. - Хватит уже.

Коринн посмотрела на Адама, ища поддержки:

- Ты слышишь своих сыновей?

Адам пожал плечами. Тему сменили. Адам не помнил на какую. Ему было трудно сосредоточиться. Он будто смотрел киномонтаж своей собственной жизни - о счастливой семье, которую они с Коринн создали. Вот они ужинают и наслаждаются обществом друг друга. Он почти видел, как камера медленно

объезжает стол, выхватывая лица, показывая спины. Это была такая обычная картинка, такая затасканная, такая совершенная.

Тик, тик, тик...

Получасом позже на кухне был наведен порядок. Мальчики отправились наверх. Как только они скрылись из вида, улыбка сошла с лица Коринн. Она повернулась к Адаму:

– Что стряслось?

Забавно, когда подумаешь об этом. Он прожил с Коринн восемнадцать лет, видел ее в самых разных состояниях и настроениях; испытал на себе все ее эмоции. Он знал, когда к ней подойти, когда лучше держаться подальше, когда ее нужно обнять или сказать доброе слово. Он знал ее настолько хорошо, что мог заканчивать за нее фразы и даже додумывать мысли. Он знал о ней все.

И в этом, подумал он, нет ничего удивительного. Он изучил свою жену так досконально, что выдвинутое незнакомцем обвинение не казалось ему абсолютно невероятным.

И все же вот этого он не предугадал. Он не понимал, что Коринн тоже легко прочитывает супруга, и, несмотря на все его старания не выдать своей тревоги, она поняла: мужа что-то сильно расстроило, и это не обычная мелкая неприятность, нормальная вещь, а нечто крайне важное – возможно, даже роковое.

Коринн стояла в ожидании удара. И он его нанес.

– Ты симулировала беременность?

Глава 8

Незнакомец сидел за угловым столиком в «Красном лобстере» в Бичвуде, Огайо, недалеко от Кливленда.

Он вертел бокал с фирменным коктейлем «Красного лобстера» – «Манго май-тай». Креветки в чесночном соусе начали застывать и превращаться в нечто похожее на замазку для стыков кафельной плитки. Официант дважды пытался забрать тарелку, но незнакомец его отгонял. Напротив сидела Ингрид. Она вздохнула и посмотрела на часы:

– Это будет самый длинный обед в истории.

Незнакомец кивнул:

– Почти два часа.

Они следили за столиком, занятым четырьмя женщинами, которые пили уже по третьему фирменному коктейлю, и бокалы были пока опустошены лишь на треть. Две из них управились с «Крабовым праздником» – блюдом из всякой всячины, которое подается на тарелке диаметром с крышку люка. Третья заказала «Альфредо» – лингвини с креветками. В уголках ее накрашенного розовой помадой рта налип сливочный соус.

Имя четвертой женщины было им известно – Хейди Данн, из-за нее они тут и сидели. Хейди заказала жаренного на дровяном гриле лосося. Ей было сорок девять: крупная, жизнерадостная, с соломенными волосами. Она была одета в топ с тигровым рисунком и гуляющим вырезом. Хейди смеялась заливисто, но мелодично. Незнакомец слушал это последние два часа. В этом звуке было нечто завораживающее.

– Она начинает мне нравиться, – произнес он.

– Мне тоже. – Ингрид обеими руками откинула назад светлые волосы, собрала их в воображаемый хвост и отпустила. Она делала это часто. Волосы у нее были длинные и очень прямые, отчего постоянно падали на лицо. – Знаешь, а тут определенно есть какая-то искра жизни.

Он прекрасно понял, о чем идет речь.

– В конце концов, – добавила девушка, – мы делаем ей одолжение.

Это было обоснованное утверждение. Незнакомец согласился. Если фундамент сгнил, нужно сносить весь дом. Его нельзя подправить, наложив слой краски или прибив несколько деревянных планок. Он это знал. Он это понимал. Он жил этим.

Он в это верил.

Но это не означало, что он наслаждался, когда подкладывал бомбы. Просто так он смотрел на жизнь: взрывал дома с прогнившим фундаментом, но никогда не задерживался посмотреть, будет ли дом воссоздан и как это произойдет. Даже узнать, не остался ли кто внутри разлетающегося на куски здания, не удосуживался.

Официантка принесла подружкам счет. Они принялись осторожно рыться в кошельках и вынимать бумажки. Женщина, которая ела лингвини, произвела подсчет, точно разделив сумму на всех. Две любительницы «Крабового праздника» одновременно выложили на стол банкноты, а после каждая открыла кошелек с мелочью, как будто расстегнула проржавевший пояс верности.

Хейди просто бросила в общую кучу две двадцатки.

Нечто в том, как она это сделала – аккуратно и с легкостью, – тронуло незнакомца. Он решил, что у Даннов все хорошо с деньгами, хотя кто знает – в сегодняшнем-то мире? Хейди и ее муж Марти были женаты двадцать лет. У них было трое детей. Старшая дочь Кимберли училась на первом курсе в Нью-Йоркском университете на Манхэттене. Двое мальчиков, Чарли и Джон, еще ходили в школу. Хейди работала в косметических отделах коммерческого центра «Маки'с» на Университетских высотах. Марти Данн был вице-президентом торговой и маркетинговой фирмы «ТТИ – уход за полом» в Гленвиллоу. ТТИ занималась только пылесосами. Она владела марками «Хувер», «Орек», «Ройал», а подразделение, где последние одиннадцать лет работал Марти, специализировалось на пылесосах линейки «Дерт дивил». Марти нередко бывал в командировках – по большей части ездил в Бентонвилль, Арканзас, потому что там находился головной офис корпорации «Уолмарт».

Ингрид рассматривала лицо незнакомца.

– Я справлюсь сама, если хочешь.

Он покачал головой. Это его работа. Ингрид находилась здесь только потому, что ему нужно было подойти к женщине, а это иногда выглядит странно. Но если подходят мужчина и женщина? Никаких подозрений. Мужчина подходит к мужчине, скажем, в баре или холле Американского легиона? Тоже нормально. Но если двадцатисемилетний мужчина подойдет к сорокадевятилетней женщине, например, в «Красном лобстере»?

Возможны неожиданные затруднения.

Ингрид уже оплатила счет, поэтому поднялись они быстро. Хейди приехала одна на сером «ниссане-центра». Незнакомец с Ингрид припарковали взятую напрокат машину за два места от Хейди. Они ждали ее на стоянке с ключами в руках, изображая, что собираются сесть в тачку и уехать.

Они не хотели привлекать к себе внимание.

Через пять минут четверка женщин вышла из ресторана. Может быть, Хейди наконец останется одна? Полной уверенности в этом не было. Кто-то из подруг мог проводить ее до машины. В этом случае придется ехать за Хейди до дома и либо пытаться переговорить с ней там (а подлавливать жертву на ее территории – плохая идея: в этом случае люди чувствуют себя более защищенными), либо дожидаться, пока она снова куда-нибудь выйдет.

Женщины обнимались на прощание. Незнакомец видел, что Хейди в этом деле мастерица. Она обнимала от всей души, не напоказ. Когда Хейди заключала кого-то в объятия, она закрывала глаза, и обнятый делал то же. Вот какое это было обнимание.

Три другие женщины разошлись в разные стороны. Отлично.

Хейди направилась к машине. На ней были брюки капри. Из-за высоких каблуков и выпитого она слегка покачивалась, но справлялась, напуская важность. Она улыбалась. Ингрид кивнула незнакомцу: мол, готова. Они оба приняли как можно более безобидный вид.

– Хейди Данн?

Незнакомец постарался сохранить дружелюбное или в худшем случае нейтральное выражение лица. Хейди обернулась и встретилась с ним взглядом. Улыбка сошла с ее лица, словно утянутая якорем.

Она догадалась.

Он не был удивлен. Многие каким-то образом понимали, хотя нежелание вступать в контакт тоже проявлялось не раз. Однако в этой женщине незнакомец почувствовал силу и мудрость. Хейди уже сообразила: его слова изменят все.

- Да?

Незнакомец научился сразу переходить к сути дела. Не надо спрашивать жертву, есть ли у нее время поговорить, или не хочет ли она присесть или пройти в какое-нибудь тихое место. Начинайте сразу.

- Что?

- С виду это современный онлайн-сервис знакомств. Но на деле все иначе. Мужчины - предположительно богатые, имеющие свободные деньги, - регистрируются там для интимных встреч. Слыхали?

Хейди разглядывала его еще секунду. Потом перевела глаза на Ингрид. Та попыталась ободряюще улыбнуться.

- Кто вы такие?

- Это не важно, - ушел от ответа незнакомец.

Некоторые люди сопротивлялись. Другие, глядя на вещи широко, понимали, что это напрасная трата времени. Хейди принадлежала ко второй группе.

- Нет, никогда о таком не слышала. Похоже, это один из сайтов, которые женатые мужчины используют для измен.

Незнакомец неопределенно повел головой и сказал:

- Не совсем. Этот сайт обеспечивает транзакции для бизнеса, если вы понимаете, о чем я.

- Я вообще ничего не понимаю, - ответила Хейди.

- Вам нужно при случае почитать материалы. Сайт говорит, что всякие отношения - это на самом деле транзакция, и еще о том, как важно четко определить роли, знать, чего ждут от вас и какие надежды возлагаются на вашего любовника.

Хейди начала бледнеть.

- Любовника?

- Вот как это работает, - продолжил незнакомец. - Например, мужчина регистрируется. Он просматривает список женщин, как правило, значительно моложе себя. Находит ту, что ему нравится. Если она принимает его, они начинают торговаться.

- Торговаться?

- Он подыскивает себе сладкую крошку, назовем это так. Сайт определяет ее как женщину, которую он пригласит на ужин или возьмет в качестве сопровождающей на бизнес-конференцию, и все в таком роде.

- Но на самом деле происходит совсем не это, - сказала Хейди.

- Нет, - подтвердил незнакомец, - происходит не это.

Хейди издала долгий вздох и положила руки на бедра:

- Продолжайте.

- И они торгуются.

- Богатый парень и сладкая крошка.

– Именно так. Сайт морочит девушке голову. Говорит, как все четко определено; что при таких встречах все по-честному и это не игра; что мужчины богаты и утонченны, будут обращаться с ней хорошо, покупать подарки и возить в экзотические места за моря-океаны.

Хейди покачала головой:

– И девушки ловятся на это?

– Некоторые – возможно. Но я сомневаюсь, что многие. Большинство понимают, на что идут.

Казалось, что Хейди готовилась к визиту незнакомца, ждала этой новости. Теперь она была спокойна, хотя он улавливал опустошение, произведенное его словами.

– И так они торгуются? – подтолкнула она к продолжению.

– Точно. Наконец они достигают понимания. И все оговаривается в онлайн-контракте. В одном случае, к примеру, молодая женщина соглашается быть с мужчиной пять раз в месяц. Они прописывают возможные дни недели. Он предлагает восемьсот долларов.

– За каждый раз?

– В месяц.

– Дешево.

– Ну, это только начало. Она выставляет свою цену в две тысячи долларов. Они повышают и снижают ставки.

– И договариваются? – спросила Хейди.

Глаза ее были мокры.

Незнакомец кивнул.

- В нашем случае они остановились на двенадцати сотнях в месяц.

- Это четырнадцать тысяч четыреста долларов в год, - с горькой усмешкой произвела подсчет Хейди. - У меня хорошо с математикой.

- Все правильно.

- А девушка? - спросила Хейди. - Что она сообщает о себе? Погодите, не говорите. Она представляется студенткой колледжа, которой нужна помощь в оплате учебы.

- В нашем случае - да.

- Ух, - сказала Хейди.

- И в нашем случае, - добавил незнакомец, - девушка говорит правду.

- Она студентка? - Хейди покачала головой. - Ужасно.

- Но наша девушка на этом не останавливается, - продолжил незнакомец. - Девушка намечает другие дни для встреч с другими сладкими папиками.

- О, это жуть.

- Так что с одним она всегда по вторникам, с другим - по четвергам. Кому-то еще достаются выходные.

- Сумма увеличивается. Денег, я имею в виду.

- Увеличивается.

- Не говоря уже о венерических заболеваниях, - сказала Хейди.

- Это я не берусь комментировать.

- В смысле?

- В смысле, мы не знаем, пользуется ли она презервативами. Ее медицинская карта нам тоже недоступна. На самом деле мы вообще не в курсе, чем она занимается со всеми этими мужчинами.

- Сомневаюсь, что она играет в криббидж.

- Я тоже.

- Зачем вы мне все это рассказываете?

Незнакомец посмотрел на Ингрид. Та в первый раз заговорила:

- Потому что вы вправе знать.

- Это все?

- Да, это все, что мы можем вам рассказать, - завершил беседу незнакомец.

- Двадцать лет. - Хейди качала головой и старалась сдержать слезы. - Эта скотина...

- Простите?

- Марти. Скотина.

- О, мы говорим не о Марти, - возразил незнакомец.

Тут Хейди впервые пришла в полное замешательство:

- Что? Тогда о ком?

- Мы говорим о вашей дочери, Кимберли.

Глава 9

Коринн приняла удар, пошатнулась, но осталась стоять.

- О чем ты, черт возьми, говоришь?

- Давай пропустим эту часть, - попросил Адам.

- Что?

- Ту часть, где ты притворяешься, будто не имеешь понятия, о чем я говорю. Давай опустим отпирательства, ладно? Я знаю, что ты подделала беременность.

Она попыталась собраться, единым махом сложить себя из кусочков.

- Если ты знаешь, зачем спрашиваешь?

- А как насчет мальчиков?

Это ее озадачило:

- А что с ними?

- Они мои?

Глаза Коринн расширились.

- Ты спятил?

- Ты подделала беременность. Кто знает, на что еще ты способна?

Коринн стояла неподвижно.

– Ну?

– Боже, Адам, посмотри на них.

Он молчал.

– Конечно, они твои.

– Есть тесты, ты знаешь. Генетические. Их можно купить в «Волгринс», и не надо кричать.

– Так купи, – рявкнула Коринн. – Дети – твои. И ты это знаешь.

Они стояли по разные стороны кухонного островка. Даже сейчас, даже в состоянии злости и смятения он не мог не замечать, как она красива. Он не мог поверить, что из всех парней, домогавшихся ее, она каким-то чудом выбрала его. Коринн была из тех девушек, на которых мужчины хотят жениться. Так глупо смотрят парни на женщин в молодые годы. Они делят их на два лагеря. В один попадают те, что вызывают в молодых людях мысли о полных страсти ночах и ногах, заданных к небу. Другой лагерь возбуждает мечты о прогулках при луне, шатрах и свадебных обетах. Коринн точно принадлежала ко второму.

Мать Адама была эксцентрична до такой степени, что ее заносило в оба лагеря. Именно это по глупости привлекло его отца. «Ее выходки» – так объяснял он сам. Но выходки со временем превратились в подобие мании. Они были веселые и спонтанные, однако непредсказуемость матери вымотала отца, состарила его. У них бывали высокие взлеты, но рано или поздно они уничтожались растущим числом серьезных падений. Адам не совершил отцовской ошибки. Жизнь – это серия ответных реакций. Реакцией Адама на промашку отца стала женитьба на женщине, которую он считал уравновешенной, последовательной, управляемой, как будто люди так уж просты.

– Расскажи мне, – сказал Адам.

– Почему ты думаешь, что я подделала беременность?

– Из-за платежа по карте «Виза» фирме «Новые игрушки», – объяснил Адам. – Ты сказала, что это за украшения для школы. Ничего подобного. Под этим названием выставляет счета сайт Fake-A-Pregnancy.com.

Вид у Коринн был сконфуженный.

– Я не понимаю. С чего вдруг ты стал проверять счета двухлетней давности?

– Это не важно.

– Для меня важно. Ты не начал бы копаться в старых квитанциях просто так.

– Ты сделала это, Коринн?

Она опустила взгляд на гранитную столешницу кухонного островка. Коринн потратила целую вечность на выбор цвета и в конце концов остановилась на варианте под названием «Коричневый Онтарио». Сейчас она зацепилась взглядом за какую-то присохшую к поверхности грязь и принялась отскабливать ее ногтем.

– Коринн?

– Помнишь, у меня был перерыв на два урока в обеденное время?

Резкое изменение темы на миг сбило Адама с толку.

– При чем тут это?

Грязь отстала. Коринн перестала тереть столешницу.

– За все время моей учительской карьеры это единственный случай, когда у меня было такое большое окно. Мне разрешили уходить из школы на обед.

– Я помню.

– Я ходила в кафе в книжном магазине «Букэндс». Там готовили отличные сэндвичи-панини. Я брала себе один, заказывала стакан домашнего чая со льдом или кофе, садилась в уголке и читала. – На ее лице появилась слабая улыбка. – Это было блаженство.

Адам кивнул:

– Отличная история, Коринн.

– Оставь свой сарказм.

– Нет, что ты, я серьезно, она берет за душу и сейчас так кстати. Я, вообще-то, спрашиваю тебя о симуляции беременности, но эта история и правда гораздо лучше. Так какой панини нравился тебе больше? Мне по вкусу с индейкой и швейцарский.

Коринн закрыла глаза:

– Ты всегда защищаешься сарказмом.

– О, верно, а у тебя всегда было прекрасное чувство момента. Как сейчас, Коринн. Самое время подвергать меня психоанализу.

Теперь в ее голосе зазвучала мольба.

– Я пытаюсь тебе кое о чем сказать.

Адам пожал плечами:

– Так скажи.

Несколько секунд она собиралась с духом, чтобы продолжить. А когда начала говорить, голос зазвучал почти незнакомо.

– Я ходила в «Букэндс» едва ли не каждый день, и по прошествии некоторого времени ты становишься – ну я не знаю, завсегдаем, что ли. Тебе встречаются

одни и те же люди. Это вроде маленького сообщества. Или как в сериале «Веселая компания». Там был Джерри, безработный. И Эдди, амбулаторный больной из клиники «Бергенские сосны». Дебби приносила ноутбук и писала...

– Коринн...

Она подняла руку:

– И еще там была Сюзанн, которая выглядела как беременная месяце на девятом.

Тишина.

Коринн обернулась:

– Где там эта бутылка вина?

– Я не понимаю, к чему ты клонишь.

– Мне нужно еще немного вина.

– Я убрал его в шкафчик над раковиной.

Коринн пошла туда, открыла дверцу и вынула бутылку. Потом взяла бокал и стала его наполнять.

– Сюзанн Хоуп было лет двадцать пять, и это был ее первый ребенок. Ты знаешь, какие они, молодые будущие матери, – все сияют и вне себя от счастья, как будто они первые на свете, кто забеременел. Сюзанн была очень мила. Мы все говорили с ней о беременности и о ребенке. Ты знаешь. Она рассказывала о своих пренатальных витаминах, выбирала имена. Сюзанн не хотела знать, мальчик у нее будет или девочка. Говорила, пусть будет сюрприз. Она всем нравилась.

Адам подавил саркастическую ремарку, заменив ее очевидным возражением:

- Я думал, ты ходила туда, чтобы почитать в тишине.

- Да. То есть сначала так и было, но по ходу дела мне начал нравиться этот кружок. Знаю, звучит смешно, но я ждала встреч с этими людьми. И было, понимаешь, впечатление, что они существуют только в то время и в том месте. Помнишь, ты раньше играл со случайными людьми в баскетбол? На площадке эти люди тебе симпатичны. Но вне игры ты ничего о них не знаешь. Один был владельцем ресторана, куда мы ходили, а ты этого даже не знал, помнишь?

- Я помню, Коринн. Но не вижу тут никакого смысла.

- Просто пытаюсь объяснить. Я заводила друзей. Люди появлялись и исчезали без предупреждения. Как Джерри. Однажды Джерри исчез. Мы решили, что он нашел работу, но сам он нам об этом ничего не говорил. Просто перестал появляться. Сюзанн тоже. Мы подумали, что она родила ребенка. Она уже перенашивала. И потом, к несчастью, начался новый семестр и двойной перерыв на обед для меня закончился. Я решила, что тоже исчезну. Вот как это бывает. Сменяется циклами, как актерские составы в театре.

Адам понятия не имел, к чему она клонит, но зачем ее торопить? Он и сам теперь хотел, чтобы события разворачивались помедленнее. Ему нужно обдумать все варианты. Адам посмотрел на кухонный стол, за которым только что сидели Томас и Райан, которые ели и чувствовали себя уверенно и спокойно.

Коринн сделала большой глоток вина. Чтобы сдвинуться с мертвой точки, Адам спросил:

- Ты встречалась с кем-нибудь из них снова?

Коринн почти улыбнулась:

- В этом вся суть истории.

- И какова она?

- Я встретила с Сюзанн. Может быть, месяца через три.

– В «Букэндсе»?

Коринн мотнула головой:

– Нет. В «Старбаксе» в Рамси.

– У нее был мальчик или девочка?

Грустная улыбка промелькнула на губах у Коринн.

– Никого.

Адам не знал, как это понять или как отреагировать, поэтому просто выдохнул:

– Ух.

Коринн поймала его взгляд:

– Она была беременна.

– Сюзанн?

– Да.

– Когда ты встретила с нею в «Старбаксе»?

– Да. Хотя с нашей предыдущей встречи прошло три месяца. И она все еще выглядела беременной на последней стадии.

Адам кивнул, наконец поняв, о чем идет речь.

– Что, разумеется, невероятно.

– Конечно.

– Она симулировала.

– Да. Послушай, в Рамси я поехала случайно – посмотреть новый учебник. Было обеденное время. Сюзанн, наверно, рассчитывала, что никто из «Букэндса» там появиться не может. Этот «Старбакс» расположен минутах в пятнадцати езды от «Букэндса»?

– Минимум в пятнадцать.

– Я заказывала латте у стойки и услышала знакомый голос. Сюзанн была там, сидела в уголке и вещала группе восхищенных завсегдатаев о режиме приема витаминов для беременных.

– Я не понимаю.

Коринн вскинула голову:

– Правда?

– А ты понимаешь?

– Конечно. Я мигом все поняла. Сюзанн вела собрание в углу, и тут я направилась к ней. Когда она меня заметила, то сразу как-то потускнела. Ну, ты можешь представить. Как объяснить, что ты на девятом месяце беременности уже где-то полгода? Я просто стояла там и ждала. Думаю, она надеялась, что я уйду. Но я не уходила. Мне пора было возвращаться в школу, но я потом сказала, что лопнула шина. Кристин меня подменила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19405316&lfrom=201227127) на

ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Американский легион – организация, созданная конгрессом США в 1919 году для оказания помощи ветеранам войн. (Здесь и далее примеч. перев.)

2

Паралегал – в англоязычных странах специалист, не имеющий высшего юридического образования, который выполняет функции помощника юриста.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/harlan-koben/neznakomec-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)